

Максим Макаров



В одно время с Фребегондом (повесть)

Максим Макаров

В одно время с Фребегондом

«Автор»

2026

Макаров М. С.

В одно время с Фребегондом / М. С. Макаров — «Автор», 2026

Перед нами снова предстает Мир разумных зверей, на этот раз - почти волшебный. Волшебство как физическая сила встречается в этом мире, может быть использовано для разных целей и довольно тяжело дается, и очень часто дорого стоит. В первой книге не очень много действующего волшебства, поскольку ее главный герой, интеллигентный заяц, не владеет тайнами чародейства и не ищет волшебных сил. Но он хочет узнать новое о Мире и обладает большими литературными способностями. С разрешения старейшин своей страны заяц отправляется в путешествие на другую сторону мира, в другое полушарие. Что ему довелось испытать, увидеть, и при чем тут Фребегонд, мы узнаем со страниц книги. В оформлении обложки я использовал мои собственные графические работы.

© Макаров М. С., 2026

© Автор, 2026

Максим Макаров

В одно время с Фребегондом

1

«С великой радостью я начинаю новый письменный труд, книгу о многом, и волна восторга бежит за мной без конца. Да простит уважаемый читатель слишком трепетное начало, не вполне подходящее для серьезной книги. Я хочу рассказать о том, что случится в самое ближайшее время, о том, что будет со мной и что я увижу. Обо всем этом надо писать исключительно честно, не скрывая нигде правды, с самого-самого начала. Первые страницы пусть хранят мое воодушевление, которое я испытал, когда начал писать. Это самое начало. Необычайную радость и бодрость духа вызывает во мне работа с письменным словом, когда из простых изображений образуется вечная форма. Автор сделает ее любой, какую только пожелаешь. Письменная речь может быть прекрасной, веселой или даже назидательной. Я не говорю о тех, кто просто переписывает. Я не вспоминаю тех, чье письмо преследует злые цели. Пройдут годы, века, тысячелетия – слово в книге сохранит свой смысл, и пока живет книга, оно будет жить без конца, и для новых поколений письменное слово станет только ценнее. Вот почему я преклоняюсь перед теми, кто обучил нас письму.

Высокий Ареопаг доверил мне совершить путешествие далеко на запад и описать современным слогом все, что повстречается мне по пути. Странно было бы желать увидеть все – ведь все неисчислимо, и даже в саду своем никто не узнает обо всем. Какие частицы есть в земле, сколько листьев есть на дереве? – сосчитать это очень трудно. И даже если сочтешь, в малом можно обнаружить еще более малое, а в том малом – тоже малое, и так не будет конца поискам. Моя задача не касается высокой науки. Наука часто означает угадать и увидеть то, чего нельзя коснуться руками, то, что нельзя почувствовать, потрогать, разглядеть. Но порой литература видит дальше науки. Счастлив и велик тот автор, кто сумел понять непостижимое, увидеть невидимое, сумел приоткрыть великую завесу пространства. И такие авторы есть в нашем Мире. Великолепный Фребегонд писал дивные истории, похожие на сказку; а теперь оказалось, что сказка воплотима, и не сказка она вовсе, а настоящие живые Миры. Фребегонд угадал их существование, и поэтому он велик безмерно. О тех Мирах мы сейчас знаем очень-очень мало, но ведь это же не упрек Фребегонду. Силой литературы он показал их реальность, их существование, вернее даже сказать, не показал, а предрек – если исходить из позиций нашего Мира. Безусловно, те Миры существовали бы и так, независимо от того, знаем ли мы о них или не знаем; но догадка была потрясающей. Я желаю, чтобы мастер Фребегонд угадывал и дальше.

Я буду счастлив познакомиться или повидаться с ним, ведь такие авторы на редкость редки. Да простят уважаемые читатели мой теперешний стиль, но именно так я сейчас подумал, и, следовательно, должен писать именно так. Я дал слово писать честно и не должен переписывать. Я буду рассказывать обо всем, что случится со мной в ближайшие дни и месяцы. Исходя из того, что мой труд могут увидеть самые разные читатели, считаю необходимым кратко описать то мировое пространство, где я родился, где я нахожусь теперь – с точки зрения меня лично и вселенной в целом.

Наш мир, как и многие другие миры, образован гигантским шаром, который держит на себе все земли, а также все соленые и пресные воды. Мир порождает сам собой удивительную субстанцию, способную превращать одну материю в другую, а также перемещать ее или даже разрушать. Субстанция выходит сама по себе, и поймать ее составляет изрядную задачу. Ее ищут, ее ловят и, овладев, стараются управлять. В последнем случае часто говорят о деловом волшебстве. Это своего рода ремесло, очень трудное, опасное и хитрое. Но даже накопив миллионы и миллиарды волшебных частиц, никто не сравнится по мощи с Миром. И одну еди-

ницу волшебства бывает очень трудно получить, а уж чтобы сохранить – на то требуется подлинная мудрость, большая сила ума и знания. Конечно, может подвернуться удача, но мы не берем в расчет эти мелкие случаи. Безусловно, случается всякое. Я хочу осмотреть другую сторону Мира и постараюсь увидеть господина Фребегонда. Познакомиться близко – уже слишком большая удача, чтоб мечтать о ней. Но если так произойдет, я не стану отказываться. По традиции благородных путешественников я кратко расскажу о местах, откуда я отправляюсь.

Наша страна Висс-Логос расположена в северо-западной части материка, который занимает центральную часть мирового полушария. С разных сторон полушария к материку тянутся ожерелья островов, но самое большое расположено далеко на севере, вблизи верхнего полюса полушария. Из-за больших размеров все те острова называют землей, а не островом, что, наверное, справедливо. Там повсюду очень холодно и сыро, и нет постоянного населения. Правда, это придает и спокойствие. В тех местах очень много замерзшей воды, и совсем не бывает ни войн, ни распрей, ни пиратов. Вероятно, за спокойствием туда ходят корабли. Я близко не знаком с теми, кто там бывает; насколько мне известно, из нашей страны туда не ходит никто. В этом просто нет необходимости. Прохладное уединение можно найти у нас в горах, а также в горах чуть дальше. Горы составляют изрядную часть нашего континента. От одного берега до другого через весь материк протянулся огромный горный массив, который в центральной своей части идет совершенно непрерывно. Огромной лестницей материк соединяет края океана. Я верю, что вода не побежит по тем исполинским ступеням, иначе это означало бы конец мирового равновесия. Локальное равновесие теряется часто – во многих местах бывают сотрясения земли, дым и ядовитый плач вулканов, оползни. Со стороны моря приходят тайфуны и бури, налетают исполинские волны, если Мир отчего сердится или огорчен. Наша мудрость помогла выбрать долину вдали от опасных берегов и вдали от вулканов. От срединного горного массива во все стороны идут ответвления. Если представить срединный горный массив в виде черты, разделяющий материк надвое, удивительным образом окажется, что две части имеют практически одинаковую площадь, хотя и различаются очертаниями. Нижняя часть материка изрядно промокает от дождей и вечных болот, где на топкой земле стоят огромные джунгли, и даже удивительно, что они не тонут. Ближе к краю земли уже не так сыро. С нашей стороны болота есть на крайнем западе и на крайнем востоке. Любители острот, из числа наиболее сведущих, называют наш материк сэндвичем, где очень твердая начинка, а нижний хлебец пропитан кислым соком. Болотная вода действительно очень кислая. На материке есть равнинные местности, долины, луга, а также реки, озера и заливы, но в сравнении с горной грядой все они кажутся маленькими. От залива, где расположены плантации и фабрики, к нам идет всего одна дорога, которую мудрость нашей страны умеет перегородить скалой. Все страны нашего континента небольшие. Наша земля насчитывает 85 тысяч квадратных верст, что гораздо больше многих других стран на юге и на северо-востоке. Есть страны больше нас, самый большой размер составляет 150 тысяч квадратных верст. Я полагаю, величина от 60 до 200 тысяч квадратных верст является наиболее удобной для свободного государства. Большой размер всегда означает очень большие хлопоты. Кроме того, большая страна всегда получается путем захвата чужих земель. Висс-Логос всегда осуждал и осуждает угнетение, а также насилие и грабеж. Свободного волшебства в мире очень мало; чаще всего его либо отнимают, либо ищут там, где очень опасно. В горах и под горами есть проходы, тропы, таинственные пещеры, пропасти, провалы. Я не могу сказать, что рискованное дело всегда безрассудно. Например, нашим храбрецам однажды удалось по ветхой тропе выйти на целебный источник, и той водой успели воспользоваться еще до того, как тропа обвалилась. Кажется, раз двенадцать к нему ходили с кувшинами. Или все-таки четырнадцать? Не буду спорить, если я ошибся с числами. В горах действительно есть целебные источники и редкие минералы. Волшебная сила прячется глубже, ее не разглядишь, даже если станешь птицей с быстрым крылом и острым глазом. Отыскать, поймать волшебную силу – это задача смельчаков. Великие авторы, включая Фребегонда,

писали об этом явлении, но называли его иначе. Я, с учетом моих скромных способностей, называю ее просто волшебной силой, хотя, возможно, она там не одна, и есть целое скопление разных сил, которые в нашем мире могут стать волшебством. Волшебная субстанция наполняет Мир, но с тем, кто рискует, он делится очень скупой. В нашей земле честно покупают готовые единицы силы, используя их для разных мелких целей, например, для вращения веретена или ворота. Единственное наше высокое волшебство – передвинуть скалу поперек дороги, что ведет к нашей стране. Это уже довольно много: в прежние времена так поступали во время войн и нашествий, теперь к великому нашему счастью, такой необходимости нет. Во всяком случае, современные поколения, к коим отношусь и я, не помнят внешних угроз. В последние сорок лет гору двигали всего три раза – лишь для того, чтоб не разучиться, чтоб поддержать мастерство. Говорят, в других мирах и пространствах волшебство позволяет перемещаться по воздуху, безо всякой опоры. Я склонен видеть в этом иносказательность. Скорей всего, кто-то временно становился птицей или обретал способности птицы. Разве это запрещено? Ведь бывает самое удивительное. Но перестав быть птицей – как же больно придется падать! Мне хочется шутить над авантюристами»

2

Острый кончик пера едва коснулся воды и застыл, словно боясь намочить длинную тонкую шею и пестрый наряд сзади. Перо было птичье, но его обработали таким образом, чтобы оно могло впитывать в себя чернила, как настоящее стальное. Такие перья у автора строк тоже есть. Он желает их беречь, а в походе будет пользоваться грифелем в соломенной обертке, который можно точить как карандаш. Для прочности обертка пропитана особой смолой – она уже застыла и совсем не липнет к пальцам. После мытья перо аккуратно вытерли тряпочкой, затем поместили на специальную подставку и проверили три раза: кончик пера, точно, не касается твердого. Автор строк предельно аккуратен, но вместе с тем он очень любит бегать. Он выскочил из дома, огляделся и стал резво скакать возле декоративных камней. Затем он побежал вниз, к открытой веранде, расположенной над значительным обрывом. Впереди можно видеть многочисленные террасы и склоны, участки обработанной земли, огороды, крохотные поля и довольно значительные сады, сбегаящие вниз по скалам и камням, иногда под очень острым углом. От веранды можно было пройти по общей тропе, но это было неинтересно. Автор помчался по едва намеченному пути, где отовсюду смотрели колючки, камни с острыми краями, неудобные кусты. Он очень ловко все перепрыгнул и спустился к широкой грунтовой дороге. Веранда оттуда едва видна. Он помчался в сторону высокогорного луга, где с южной стороны стоял хвойный лес. Он здоровался на бегу со всеми, кого видел, почти всех называл по имени, поскольку он знал почти всю округу. С ним здоровались и желали успеха – полные уверенности, что ему теперь выпало крайне прибыльное дело. Ведь он бежал и одновременно прыгал от восторга. С чего бы еще так прыгать?

- Вперед, вперед – азарт несет – в неизвестные дали – без меча и без стали. Так-так-так-так! – он очень хотел сочинять стихи, но пока не мог найти удачного размера. Домчавшись до соседней скалы, он без труда взобрался наверх, к лесу, и решил побегать сперва там, а потом уже уйти на луг. Среди мшистых камней и частых стволов бегать было уже непросто. Нужно было ни во что не врезаться.

- Но ведь мы – не старые, не старые, не старые! Имеем... что-то ничего подобрать нельзя, ничего хорошего. Говорят, что талант может все зарифмовать. – он бегал и говорил сам с собой. – Талант – да! – Если он есть, если он сделался сильным. Но вместе с тем. Нужно понимать направление. Талант зарифмует любой предмет, но не любое слово. Да рифма – это только начало работы. Стихи!

Он хотел сочинять прямо сейчас, однако на большой скорости он не успевал даже подумать о предмете, о котором стоит сочинять. Он очень ловко огибал все препятствия, очень

ловко прыгал и ни разу не споткнулся. Его волосы лишь едва-едва касались маслянистых ветвей. Это совсем не страшно.

Знатоки пера часто не расположены к быстрому бегу. Но у зайцев есть особые таланты. Тонин Ренцелер – заяц, еще довольно молодой, и в то же время уже достигший почета в своей стране. Жители Висс-Логоса всегда уважали работу с письмом и бумагой, поэтому Висс-Логос достиг больших успехов в области словесного дела. Здешние историки, переводчики, архивариусы известны и на этой, и на другой стороне земли; сюда привозят диковинные надписи, чтобы разгадать их смысл; иногда приходится разгадывать целый язык. Висс-Логос не один во всем Мире, кто умеет это делать. В других странах есть очень сильные переводчики и знатоки слова, но там они берут гораздо дороже. Интеллектуальная работа с текстом составляет значительную часть хозяйства. Также есть те, кто просто переписывают. В мире уже слышали о печатных книгах, но мало кто их читал; говорят, волшебное перо, которое пишет буквы одинаковой длины и ширины стоит очень дорого. Зато, если его добыть, нет нужды писать ничего самому – перо напишет все с твоих слов, тебе нужно лишь их говорить вслух. Если что-то сказал неправильно, не беда – перо потом переписет. Оно также напишет лучше, надо только ему объяснить. Тонин считал, это слишком сложно и в этом нет необходимости. Конечно, сотни тысяч, миллионы копий долго писать вручную, поэтому рукописные книги в цене. Если их будет много, не утратят ли они стоимость. Как много листьев и песчинок на свете. Разве они чего-нибудь стоят? Он остановился. Без листьев никакое дерево не живет; значит, листья имеют цену. А песчинки? Если в них нет золота и серебра, нет других металлов? Он не стал об этом думать. Он побежал на юг, одновременно прикидывая, во что ему может обойтись поездка. Высокий Ареопаг, куда входят и самые известные горные мудрецы, знатоки-отшельники, обещает выделить средства на год, включая не только обычные повседневные расходы, но и расходы сверх нормы – возможные налоги, подати, платежи или подаяния. Взрослые не раз говорили, что в дальних землях под маской нищих бродяг прячутся разбойники, поэтому им лучше подать, чем навлечь на себя ожесточение; и если видишь толпу настроенных весьма грозно, лучше сразу их задобрить, дать им что-то, чтобы не отняли все. О текущих ценах той стороны Мира они говорят по-разному. Тонин решил не тратить деньги зря и сперва присмотреться к ценам, а затем что-то брать – разумеется, если есть выбор. Он не очень представлял, как можно подаянием задобрить злых. При желании разбойники заберут все, и похожие на разбойников поступят так же. Тонин очень легко бежит. Верста по прямой дается ему всего за двенадцать ударов капель (это старинная мера расчета времени: вода падает с определенной высоты, и удар капли означает время с начала падения до конца, составляя примерно две с половиной секунды). Набегавшись в лесу, Тонин отправился бегать на площадку, расположенную прямо над склоном. Почти ровная скала растянулась на две версты мимо ряда желтых кустиков. Они цепко держатся за сухой грунт, кустов мало на скале, а за ними – провал, почти пропасть. Лес над площадкой весь покрыт корнями и корягами. Там уже неудобно бегать, но можно хорошенько поскакать, тренируясь. Можно залезть на дерево и собрать лесных плодов. Солидные мастера письменности избегают таких увлечений, поскольку это занятие для детей и малоимущих, малообразованных лиц. Тонин огляделся, влез на дерево, сорвал две шишки и выбросил их. В ста шагах отсюда растут кедры с вкусными семечками. Он срывал их и грыз вместе со скорлупой, из-за этого вкус семян нельзя было почувствовать вполне. Ему хотелось торопиться. Все-таки он аккуратно очистил восемь семечек.

- Да, без скорлупы гораздо лучше. Это вновь указывает на то, что во многих делах необходимо усердие, даже если делать быстро. Меня никто не разглядел. Здесь нет, я надеюсь, любителей конца? А то, говорят, сюда приходят... Я бы не хотел с ними встречаться. Зачем мне слушать дурные речи?

В окрестных скалах есть тропы, которые ведут сперва наверх, а затем – резко в низ, в мертвые ущелья. Висс-Логос так называют места, которые выбирают желающие прервать жиз-

ненный путь. К счастью, здесь редко бывают выходцы из других стран, а вот в соседних долинах... Тонин закачался на крепкой земле и на всякий случай сел. До обрыва было далеко, его даже не видно за кустами. Иногда кажется, что из-под обрыва покажутся демоны или те, кто много грешил, какие-нибудь необыкновенные чудовища, созданные дурным волшебством. Висс-Логос об этом писал, переводил и переписывал, оставаясь в стороне от этих дел. Тонин мало знал выходцев из других стран, но ведь он еще очень молод; но и те, кому уже много лет, знали немногих из тех, кто жил за пределами Висс-Логоса. Взрослые говорят, что мудрость предков помогла Висс-Логосу выбрать спокойное место. Даже если в мире бушуют войны, они происходят в открытых пространствах, тогда как Висс-Логос надежно окружен горами, и единственную дорогу перекрыть при наличии мудрости несложно. И все же, чужие наводят подозрение и страх. Жители Висс-Логоса очень редко покидают пределы своего материка, и своего полушария, поэтому дело резвого Тонина представляется очень важным Высокому Ареопагу. И Тонину самому это очень интересно. Из книг он знал о существовании различных религий и хотел бы узнать, насколько часто их представители посещали Висс-Логос. У залива можно слышать о самых разных верованиях, включая сектантские, но отдельного сектанта порой очень трудно распознать, если он говорит как все. Тонин слышал, что сектанты проникают в горы стран, расположенных по соседству, и даже иной раз встречаются в Висс-Логосе. Спрашивать об этом взрослых открыто как будто неудобно, а подслушивать нехорошо. Нужно так поставить разговор, чтобы взрослые сами об этом сообщили. Умный заяц Тонин отправился в библиотеку с дубовыми стенами. Ее хранитель ему хорошо знаком. Проявляя уважения в сочетании с изобретательностью, Тонин сумел сделать так, чтоб смотритель сам заговорил о сектантах. Впрочем, он сразу же заявил, что сектантов в Висс-Логосе не было никогда.

- Мы свободны от несовершенства в такой ипостаси. От глупости не свободен никто. Но что же. Это совсем другое. И с крыльца можно упасть так, что не соберут целители.

- И что же, во всех архивах этого нет? Я, признаться, не читал самых старых архивов, только выдержки из них. Там же слабая бумага?

- Там даже не бумага, там солома или нечто плетеное. Совсем обремененное слабостью. Запись хуже чем на досках. Ты совершенно прав. Старых архивов не стоит зря трогать, но ведь если бы сектанты были, это было записано и потом. Но этого в книгах нет. Раз в книгах нет, значит, этого и не было. Разве могут упустить наши книги что-то важное.

«Книги пишут, они не пишутся сами» – подумал Тонин. Он не вполне согласился с хранителем, но не хотел спорить. Он вообще не хотел портить настроение перед столь важным делом. Ему встречались приятели, он бегал с ними в поле, затем возвращался. Приятели спорили, бывают ли на свете красные леса. Согласно книгам, они есть на той стороне Мира. Тонин говорил: там где есть осень, она всегда возвращается в нужный срок и создает красные леса. Приятели соглашались и добавляли, что те красные леса в течение всего года красные, на протяжении очень многих лет. Тонин обещал проверить. Он немного размышлял, отвлекся и перед самым отъездом забыл проверить несколько важных вещей. Он был слегка раздражен этим, а также самим фактом того, что он раздражен. Важное дело нужно начинать в положительном расположении духа, считал умный заяц. Он еще не медитировал, но знал, что в горах Висс-Логоса есть особые мудрецы, знатоки медитации, что позволяет им полностью очиститься от будничных несовершенств тела. Во время медитации мудрец ощущает только чистое сознание, без всяких капризов и страстей, без мелких несовершенных мыслей. Научиться такому состоянию непросто. Знатоки медитации могут уловить поток волшебной силы, угадать ее направление. Явной прибыли это не приносит, зато помогает достичь полного душевного равновесия.

«Уже очень скоро!» – записал Тонин в дневнике. Во время похода он будет писать на квадратных кусочках бумаги очень мелким шрифтом. Бумага легко складывается в коробочку. Надо не потерять ее, а также – деньги; последнее, пожалуй, даже важнее, поскольку слова

можно восстановить по памяти. Тонин прекрасно помнил многие свои слова и нередко читал их сам себе.

3

«До залива я добрался пешком и очень скоро. Я несу с собой только самое необходимое, дорожный мешочек на боку надежно закреплен. Берестяной кубок, тонкие грифели для письма и бумага в коробочке, кусочек душистого мыла – вот и все, что я взял. Для мыла есть специальный подносик с отверстиями, чтоб оно высыхало быстрее. Я долго думал, брать ли мыло, или воспользоваться тем, что продается за рубежом. На другой стороне Мира торговля развита гораздо сильнее, чем у нас, можно приобретать любые вещи, в том числе для ухода за телом. Я решил все-таки взять мыло, потому что вначале нужно пересечь океан и неизвестно, с чем придется сталкиваться. Я хотел взять жевательной смолы, которая в определенные часы отвлекает от голода. Говорят, она тоже продается. Своей смолы я не делаю, у соседей все оказалось старое и на редкость липкое. Их смола уже покрылась иголками и стала похожа на репейник. Соседи по легкомыслию держали смолу в открытом сосуде, ветер шалил и накидал всякого сора. Я решил идти без смолы. В заливе останавливаются корабли, которые идут с востока на запад и с запада на восток, огибая наш материк. Эти корабли обычно не покидают наше полушарие и, скорее всего, у них нет большого мастерства в борьбе с океанскими бурями. Во всяком случае мне никто не советовал садиться на такой корабль. Я веду письменную работу и еще мало знаком с морскими водами – точнее, я писал о них многократно, а вот управлять судном, идти под парусами мне еще не доводилось. Речные плотики не в счет. У нас и в соседних горах есть бурные бойкие реки, которые бегут с горы и могут быть опасны для отдельного путника. Но это все не то. Я решил найти корабль, который вынесет океанские испытания.

Из книг известно, что большие сильные корабли делают остановки в архипелагах. От залива на север идет дуга коричневых островов, которая называется Адрей. Все острова в ее составе имеют такое имя с прибавлением порядкового номера. Я решил добратся с оказией до Адрея Второго, где почти у всех берегов есть глубокие бухты. Следовательно корабли там могут останавливаться. Я нарочно решил не искать корабль на первом острове, потому что он ближе всего к материку и там должно быть больше всего бездельников. Лень мешает двигаться, соответственно, чем дальше от земли, тем сложнее любителям лени передвигаться. На первом острове курят такой дурной табак, что все море пропитано его дыханием и даже выносит его на берег залива. Надо признать, в заливе также есть дурно пахнущие причалы. Желая уйти от них подальше, я пробежал до удаленного поселка рыбаков и стал подыскивать лодку. Высокий Ареопег снабдил меня столь щедро, что я мог бы нанять целую армию рыбацких лодочек. Правда, здесь нет такого количества. Рыбаки выходят в открытое море за лососем, навагой, а также за редкой рыбой. Они ставят себя гораздо выше тех, кто рыбачит с берега или у пресных водоемов. Таких они называют «слабучки» (слабые удочки, недоучки). В заливе, на мелководьях есть плантации устриц и мидий. Дальние рыбаки также лишают их своего уважения. В свою очередь мастера устриц и мидий ставят себя выше рыбаков: ведь те ничего не создают и не разводят, они лишь присваивают, в то время как создать, вырастить гораздо сложнее, и это роднит с работой высокой садоводов. Рыбаки и заводчики мидий, если сойдутся вместе, спорят без конца; я слышал эти громкие разговоры в заливе, по счастью, недолго. Я шел легко, но поселок оказался неблизко. К моему удивлению, там тоже разводят морских существ, но уже не мидий, а какие-то водоросли. Рыжеватый толстенький бобер в сером наряде проложил по берегу границу, отделяющую его плантацию от причала, которые обустроили соболи. Море делить уже сложнее – приливы и отливы постоянно смывают пограничные знаки. Рыжешёкий бобер громко пыхтел и почти дудел во время разговора. Однако ему не удалось поставить забор, где он хотел – соболи пришли группой, и кроме того, там были их женщины. Бобер явился один, что было довольно беспечным делом; впрочем, я не заметил, чтоб ему помогал хоть кто-нибудь. Наверное, он хотел заниматься всем единолично. Среди соболей я знал неко-

торых весьма подробно. Серебристый соболь согласился довести меня до Адрея Второго. Он как раз идет в том направлении за ценной рыбой, из которой делают лекарства. Он хороший мужчина, хотя и не любит читать.

На его баркасе мы ушли еще во тьме. Но вскоре с той стороны, где остался материк, стала расти яркая полоса – сперва соломенная, потом золотистая. В ее лучах море переливалось приятным малахитовым оттенком, теряло серый цвет. Рассвет усиливался и когда поднялось солнце, под зеленой водой можно было увидеть многочисленные краски моря. Соболев говорил, их хорошо смотреть с высокой мачты. Его баркас имеет мачту и кливер, имеет различные ванты. С позволения хозяина я лазил по ним – действительно, дно было видно лучше, хотелось залезть еще выше, но уже нельзя. Как жаль, что на воде не растут леса. Можно было бы забраться высоко и с ветвей наблюдать за прелестными красками моря. В разных местах они создают различные узоры, и море само создает узор. Я не перестаю жалеть о том, что не научился всерьез сочинять стихи. Краски моря воодушевляют меня необыкновенно. Из этого можно создать начало для поэмы: я еду, наблюдаю прекрасное, а потом – может быть что угодно. Преимущество художественной литературы в том, что можно сочинять не стесняясь, придумывать самые невероятные вещи, в том числе – как бы от своего лица, если это говорю не я сам, а герой, который называет себя «я» и как бы это он пишет книгу, хотя не он. Эти мысли я уже записывал неоднократно, и если нужно, можно просто взять готовые. Очень жаль, что я не поэт, очень, очень жаль; с другой стороны, занятия исключительно поэзией часто не дают нужного дохода. Бывает, что поэт вообще не имеет дохода, находясь в равнодушном или глупом окружении. Из этого есть разные пути. Соболев хотел сперва кое-что купить и продать на острове, а потом идти в открытый океан. Для меня это удобно. Взяв с меня совсем чуть-чуть, капитан баркаса держался весьма приветливо и давал советы по управлению лодками в море. Я слушал, но не записывал – от брызг часто становится сыро и мне не хочется портить бумагу. На Адрее Втором мы пристали там, где земли не было видно из-за черных водорослей. Все вокруг шлепало, булькало, шуршало, я видел ползущих морских существ, но не строился. Здесь неудобно ступать ногами, зато никто не видит. Соболев сказал, в округе очень много конкурентов, поэтому он не хочет подходить к причалу. К тому же, на причале постоянно крутятся те, кто собирает подать, хотя тут нет настоящей страны с правлением. Под видом подати местные нахалы просто вымогают деньги, небольшим лодкам и лодочкам они запросто могут навредить. Баркас не кажется мне таким уж маленьким, но я понимаю капитана. С ним ехали его родственники, еще три соболя. Они разделились: двое остались стеречь борт, другие понесли мелкий товар на продажу. Соболев пожелал мне вернуться в этом году. Они отправились на рынок, а я сперва хотел осмотреть большой причал. Соболев объяснил мне, как туда добраться. Почему-то я не свернул сразу в нужном месте, а пошел вдоль моря. Наверное, мне хотелось и здесь увидеть его краски, но вблизи берега море было однотонным и только ветер создавал складки на нем. Я услышал громкие голоса. Кто-то на берегу и в море проверял свое красноречие – если говорить с насмешкой. В действительности, там несло только дурноречие; говорили не на моем языке, тараторили и я понимал лишь отдельные слова. И так ясно, что ругаются. По виду и те, и другие довольно бедные. Я свернул на тропу и пошел в сторону порта.

Первый, кто мне встретился по дороге, был очень маленький и нескладный, он шел почти на четвереньках, едва не касаясь земли руками. Поравнявшись с ним, я заметил, что спина его не такая уж короткая, да и ноги тоже. У него были привычки жулика. Признаться, я хотел его спросить, верно ли я иду, и даже дал бы что-то, но первому встречному верить никогда нельзя, даже если он не жулик. Нужно встретить двадцать, или хотя бы десять лиц, и у каждого спросить, а потому уже решить, кто был первый. Но зачем мне решать о нем, я вовсе не хотел с ним знакомиться. Дорога стала расширяться, я пошел вплотную к обочине и даже иногда по камням. Навстречу двигались лишь отдельные пешеходы. Зато у поселка вмиг выросла толпа – торговали на ящиках, на руках и даже на земле. Мелькают крючки, поплавки и про-

чие рыболовные снасти, острые части сверкают на свету, но никто не порезался, не укололся. Знакомый соболь собирался купить нечто подобное, но еще хитрее. Из толпы и в толпу выносят корзинки, мешки коробочки с мелким товаром. Все сделано просто, дорогие материалы появляются разве что случайно. Здесь мало видят нужды в красоте товара и говорят главным образом о его полезности. Я не замечал женщин, хотя судя по голосам они есть. Из-за четверти самой мелкой монеты идет яростный торг. Чтобы пройти дальше, мне пришлось двигаться через толпу и я увидел много лиц. Хорьки и ласки чрезвычайно много жестикулируют и строят такие гримасы, что даже становится смешно. Здесь всякий народ; встречаются даже лесные голорины, лицом похожие на котов, они тоже очень хорошо гримасничают. Голорин надувает щеки, щурится и яростно бьет себя по тем местам, где обычно расположен хвост. У голоринов нет настоящего хвоста и они не считаются котами. Коты, а также рыси, пумы, ягуары, живут на другой стороне нашего материка; коты также есть за океаном. Солидные еноты, перед тем как начать торговлю, осматриваются вокруг себя и делают вращательные движения руками, словно очерчивают круг. Говорят, так они оберегаются от мелких воришек. Кругом кричат, свистят, трещат и пощелкивают. Все подряд предлагают всё, и стоит быть внимательным. Средства мои собраны в виде двух тяжелых столбиков, каждый из которых обернут несколько раз материей и висят по бокам возле пояса, с внутренней стороны моих штанов. Я ощущаю их дорогую во всех отношениях тяжесть. Чтобы достать золотую монету, надо все разворачивать, поэтому нужно прежде подготовиться, а потом уже идти покупать. В карманах у меня обычные монеты и монетки. Остаться без денег в чужой стране – очень скверное дело. На ходу мне предлагают сладкие кусочки, обломки пирожных, изюм, орехи. Все ужасно пыльное и странно было бы брать это в рот. Но продавцы и покупатели это берут и глотают без страха. Я пытался поймать разговоры о плавании, но все тонет в бормотании: «пять монет – десять монет – три монеты – ничего – да вы с ума сошли!». Фразу о том, что у кого-то нет ума, я слышал пятьдесят шесть раз – я нарочно стал считать, чтобы затем провести небольшую прикидку; но затем мне это надоело. Кое-как выбравшись из толпы, я отправился дальше. В лавках здесь продают очень мало, и это странно. Я заметил, как большие звери по приказу заталкивали тележку в ворота, а потом тащили оттуда ветхие мешки. Очевидно, в домах предпочитают не торговать, а только содержать товар. Походив здесь, я прошел до другой толпы; там уже пахло дурным табаком. Я увидел крохотный причал на речке, перескочил на островок, но оттуда уже нельзя никуда плыть. Вокруг довольно мелко. По камням я вышел обратно.

Я ходил не меньше трех часов и ничего толком не выяснил. Соболь говорил, сюда к причалу от кораблей приходят лодки, а сами корабли пристают нечасто, примерно по семь кораблей в месяц. Я надеялся увидеть большой корабль и ходил до ночи. Спать я лег среди зарослей бамбука, довольно далеко от всех поселков. Птицы трещали непривычно противными головами, насекомые стремились забраться в уши. Прележав часа три, я встал и решил отправиться на главную пристань. Она расположена далеко – мне пришлось пробежать не менее ста верст, прежде чем я нашел прямую дорогу. Я заранее изучил географию Адreja Второго, поэтому я был доволен, когда видел именно то, что ожидал увидеть. На причал я вышел уже поздним утром. До этого я опять ходил, выпил кувшинчик минеральной воды и съел банан. Обедать мне на удивление не хотелось. Даже странно было вспоминать о средствах борьбы с голодом. В животе возникла совершенная легкость и отчужденность от пищи. Я хотел найти сограждан, однако наши, в самом деле, торгуют здесь редко – если и привозят товар, то сразу все отдают. В постоянных домиках живут чужие звери. Я ходил и проверял знаки на строениях. Внезапно из-за стены вышел буйвол.

- Чего смотришь? – сказал он грубым голосом. Я не растерялся и показал ему печать работника письменного слова. Вряд ли он умеет читать – глаза буйволы слишком малы и глупы для такой работы; я не стал доставать письменных документов. Я произнес приветственную фразу на общем языке. Буйвол вытаращил глаза. Из-за стены показался енот.

- Что еще? – увидев печать, он стал толкать буйвола в спину. – Иди, иди. Нечего тут! Не болтайся! Тут... ничего! – последнее он произнес в мою сторону, почти извиняющимся тоном. Меня вполне могли принять за важное лицо, поскольку отправляясь в поход, я взял одежду из дорогих тканей, и на поясе моем дорогая гравировка. Но глупо изображать из себя то, чем не являешься: за мной ведь не ходят воины и сиятельные вельможи. Я слышал, у богатых зайцев есть охрана, но не в нашей стране. Я опять пришел на причал.

Моряки, кажется, были готовы к общению. Услышав о моем деле, они стали предлагать пути, но какие-то странные: плыть до Третьего Адрея, чтобы там сесть на шхуну, которая идет в сторону Адрея Первого. Но зачем мне идти к Первому, если я уже миновал его. Мне объясняют, как правильно пересаживаться на чужие яхты. Я вовсе не хотел бы пересаживаться. Моряки обслуживали каких-то вельмож, и потому так рассуждали. Я стал спрашивать, у кого есть свои борта. Мне советовали купить то лодку, то катамаран, затем продать их, а до этого – научиться управлять, поскольку для путешествий на большом корабле нужно разбираться в плавании. Кажется, мне здесь морочат голову. Меня повели было в контору, чтобы объяснить, чтобы показать карту – а на самом деле, там конторы не было – это яма, вокруг которой поставили крышу; самый дрянной трактир. Там в два счета вытащат деньги, и чего доброго, даже убьют. Благодарим покорно; я отбежал и пошел к другой части причала, заранее досадуя, что я рассказал им о своих целях, рассказал о больших кораблях. Зачем им вообще знать, как я еду, и куда! Я не сказал цели и точного направления. Если мне нужно сесть на корабль, должен же я сказать об этом – или нет? У меня еще нет опыта в подобных деловых случаях. Но я буду, буду писать именно так, как все было!»

4

Всю первую половину дня Тонин искал пристани, где не пахнет табаком, и в результате он стал путать табачный дым со всеми остальными видами дыма. На острове жгли костры, топили печи, тушили и жарили на мангалах, в первую очередь, мясо морских животных. Рядом находились мелкие кустарные производства, где тоже веяло дымом. У Тонины едва не закружилась голова. Он быстро овладел собой и решил искать у самого берега моря. Большие звери и лодки его немножко пугали, маленькие лодки казались слишком ненадежными. Ученый заяц хотел найти нечто среднее. Он умел различать хозяев и не хозяев, но не всегда хозяин стоит возле своей лодки. Отсутствие ее на берегу вызывали у Тонины сомнения. Он был очень бодрый заяц и передвигался легко; он дошел уже до косы, за которой расположено открытое море. На косе есть поселение. Один из южных зверей, похожий на пуму, давал приказы маленьким подчиненным. Тонин осмотрел его лодку с довольно толстыми бортами. Такая лодка, пожалуй, не должна опрокинуться при большой волне.

- Скажите, пожалуйста, вы ходите в море за деньги?
- А как же! – сказал лодочник-пум. – Это всегда так. Кто же пойдет без денег!
- Я полагаю, сами себе же вы не платите. Вы получаете доход от работы.
- Да, если есть работа.
- Вы хотели бы пойти в море сегодня?
- А что такое?
- Мне нужно добраться до Адрея Пятого.
- Зачем же Вам так далеко. Там нет ничего такого эдакого... культурного, я хочу сказать.
- Но мне надо туда. – Тонин рассчитывал добраться до дальних островов Архипелага

Адрей, а уже там сесть на большой корабль, полагая, что ближе к открытому океану это сделать проще, чем здесь. Пум начал торговаться и нарочно прогнал помощников. Он стал говорить, что может довести до Адрея Третьего, до Четвертого – или до Первого. «Опять Первый! Он же сзади. Там, наверное, какой-нибудь притон». В вежливой и настойчивой форме Тонин просил довести его до Адрея Пятого. Но, видно, на Пятом было нечто, мешавшее пуме мыслить широко – он сразу говорил про текущие дела и рутину, про вечные хлопоты. При

этом он не отказывался везти Тонина и раз за разом, подтверждал, что довести может, особенно в сторону материка. Тонин не спрашивал, ходит ли пум далеко в океане, сочтя подобный вопрос неловким. По истершимся бортам опытный глаз определит, насколько далеко доводилось ходить борт. У Тонина не было такого опыта, однако он догадывался, что борт создан для дальних походов. Пум наотрез отказывался плыть на Пятый, разводил руками, говоря о трудной швартовке. Тонин настаивал; внезапно пум согласился и сказал, что довезет, только надо будет сделать остановку, кое-что выгрузить, а потом взять, после этого удастся доплыть до Пятого. Он не раскрывал подробностей. Тонин об этом не спрашивал – после долгих поисков ему уже хотелось посидеть и погрызть что-нибудь. Он хотел купить сладкий батат, но здесь их не выращивали, и он сорвал просто дикий стебель. Пум очень долго собирался. К его лодке прибежали два зверька – он дал им затрещины, они разбежались. Затем к нему подошел очень пожилой зверь, с длинными волосами на руках и плечах. Он не произнес ни одного слова. Пум велел ему спускать лодку на воду, а затем держать канаты. Тот выполнял все беспрекословно, не торопясь. Ему было трудно успевать за приказами; пум сновал по борту, толкал его кулаками и ногой, но помощник исключительно молчал. Тонин решил, что он немой и не стал к нему обращаться из соображений деликатности. Борт вышел в море и быстро достиг Адрия Третьего. Тонин был погружен в свои мысли и почти не заметил, как возникли новые берега. Он испытал удовлетворение. Пум ненадолго оставил борт, ушел один, а вернулся с зайцами – во всяком случае, их лица были совершенно заячьи, но уши непривычно короткие, с рваными краями. Тонин подумал, что они отрублены. Он тут же стал их жалеть. Расположившись на деревянной досочке, он сидел сжавшись и занимал очень мало места. Под криками пума лодка быстро понеслась вперед. Немой зверь теперь сидел только на корме и иногда придерживал задние ванты. Зайцы двигались скоро. «Интересно, они его собственность? Невольники? На островах, да и в других местах это встречается. Невольники есть даже в самых богатых странах». Тонин думал, прикрыв глаза, и смотрел на воду. Если его случайно задевали – боком или рукой, он тут же оборачивался, стараясь быть внимательным. Мимо лодки прошли катамараны и джонки, где от палубы до воды было всего три четверти локтя. Между тем море открывалось все сильнее. Внезапно подул ветер. Пум стал отводить борт к востоку, а затем – к юго-востоку. Тонину показалось, что они теперь плывут назад. На горизонте мелькали чайки и птицы с широкими крыльями. Наперегонки они ловили мелководную рыбу, кричали и ссорились. Вдали на севере ссора приняла серьезный оборот: белые серпы били желто-красный платок, уклонялись и падали вниз, желая догнать или опередить рыбу. Птицы с широким крылом гораздо мощнее чаек. Но им не хватает подвижности. Среди криков можно разобрать громкие стоны, в которых, правда, слышно более возмущение, а не страх или боль. Тонин немного посмотрел, затем стал считать точки на горизонте. Зона мелководья была обширной – с востока и юго-востока она подходила к огромной песчаной косе. Часть косы регулярно заливают водой, что позволяет юрким рыбкам, креветкам и прочим небольшим существам перескакивать на другую сторону, туда, где есть временные соленые озера. Их пространство защищено от морских хищников. Во время следующего прилива рыбки возвращаются в море. Коса имеет ствол, расположенный южнее. От него в разные стороны идут ответвления, некоторые из них постоянные, другие часто находятся под водой. Тонин читал об этом и в целом он представляет, как идет коса. Хозяин лодки резко повернул парус. На юг! Вода заплескивает через борт. Волны усиливаются при ясной погоде. Тонин стал придумывать литературные слова для такого процесса. Пум бросил якорь в отмели и прыгнул прямо в воду. Молчаливый матрос был неподвижен. Зайцы тихо вздохнули.

Они не видели, как хозяин взял две крохотных тряпочки и сунул глубоко в карман, затем стянул вокруг него тряпичный ремень. Последнее Тонин успел заметить и подумал, что так, пожалуй, неудобно передвигаться, от ремня будет больно. Пум сказал:

- Старый товар. Пойду продавать. – и соскочил. Около трех часов его ожидали, качаясь на волне. Море здесь весьма настойчивое и легко переворачивает легкие суда. Тонин попытался поговорить с зайцами. Общего Языка они не знали, понимали только одно прибрежное наречие. Тонин знал его и заговорил о звездах. Но зайцам, видно не хотелось говорить о красоте – все аллегории и цитаты из книг они оставили без внимания. Тогда Тонин спросил, как часто приходится ходить по звездам. Зайцы не знали, что это такое. Тонин стал объяснять. Пестрый заяц спросил:

- Они что, двигаются?

- Я не могу сказать Вам точно, насколько звездам доступно движение. Вероятно оно есть, поскольку движение есть свойство материи вообще. Я хочу сказать...

- Они же неподвижные. Они приделаны там и светят. Двигается только солнце. И луна еще. И ветер. И облака. Звезды не движутся.

- Никогда? – спросил Тонин.

- А зачем. Вам это нужно самому?

- Мне, собственно... Мне интересно узнавать! Вы читали последние книги Лэргаринта – это такой очень известный исследователь материи – о том, как устроен воздух и другие легкие тела? Он описывает, как вода превращается в пар и становится твердой, и как...

- Волшебства мы не касаемся! – хором сказали зайцы. Тонин принялся объяснять, что это не волшебство, а нечто иное. Зайцы были мало образованы: они не слышали про Лэргаринта и не читали Фребегонда. Тонин стал рассуждать о том, что все в Море подвижно, и жизнь сама есть движение. Зайцы спросили, нет ли у него легкой курительной смеси.

- Я не курю. И откровенно не советую.

- Тогда чего Вы!... Да.

- А что такое?

- Голова болит!

- Курение разве помогает?

- Болит голова. – Тонин подумал и достал из кармана лист растения, который содержал бодрящие вещества. Из него можно делать снадобья и дурман, но сам по себе лист не является дурманом. Он предложил этот лист зайцу с больной головой. Тот сощурил длинные глаза и отказался. Зайцы были ниже ростом и скорей всего, не имели такой резвости, как у Тонина, не тренировались часто в горах. Хозяин лодки вернулся со свободными руками. От него исходил запах снадобий, перемешанных с вином. Хозяин-пум сказал:

- Новый товар. Пикните – убью. К Вам это не относится – он повернулся к Тонину, – это так. Вы же видели, как я уходил со свободными руками?

Тонин ничего не поняли и кивнул. Он услышал, как пум мурлычет – следовательно, он доволен. Но что за товар у него был столь малого размера? Драгоценности или редкие частицы. Волшебная сила внутри маленькой вещи. «Почему об этом нельзя говорить. Неужели краденое? Или он сам купил краденое?». Тонин немного растерялся.

Лодка стала уходить дальше на юг. Вскоре она остановилась там, где рифы служили естественным причалом. Вода здесь весьма жестокая. Лодка терлась о риф некрашеным бортом. Пум ушел, затем вернулся с курительным дурманом и всучил его зайцам. Те, как видно, не хотели курить, но покорились. Потек дым, очень неприятный для Тонина. Он спросил, когда они дойдут до Адрея Четвертого.

- Сперва перебросим груз на Третий – произнес пум. Молчаливый матрос повернулся и стал что-то нашептывать ему, указывая на Тонина, который ходил по берегу. Тонин вспоминал географию архипелага. Из книг он знал это очень хорошо. Пришли дурно одеты быки и стали бросать в лодку мешок за мешком. Тонин замер и смотрел издали. Часть мешков осталась

лежать на рифе. Быки, качаясь, уходили. Пум что-то высчитывал с помощью кривого абака. Тонин подошел и спросил об Адрее Четвертом.

- Куда там! Сейчас перегруз. Я же говорю, надо сходить на Третий. Может, вы тут подождете.

- Да! – неожиданно сказал Тонин. Он знал географию этих мест и не боялся заблудиться. Пум назвал какое-то время, но от него уже пахло новым табаком. Тонину это очень не понравилось. Он сказал, что будет ждать у ближайшего причала. Пум кивнул. Молчаливый матрос вдруг сделал гримасу – язвительную и в то же время жуткую; он оставался на борту, не касался земли, но Тонин уже приготовился бежать. Он решил, что побежит, едва только его начнут запугивать. Зайцы, подгоняемые пумом, переставили пару вант, и лодка пошла куда-то на запад. Тонин подождал, пока она исчезнет из виду, а затем быстро зашагал на север – совершенно в другую от причала сторону. Он стал думать об увиденном. Очевидно, пум развозит нечто запрещенное, возможно даже, украденное. О контрабандистах слышали довольно много. Тонин немного пожалел зайцев, но тут же вспомнил, что они держались с ним весьма непочтительно. Это его огорчило. Добравшись до травы, Тонин побежал; но трава вскоре кончилась. Песок и камни были раскалены. Он умел плавать и готов был пересечь вплавь затопленный участок косы. Он прошел вплоть до берега, где стоял трактир. Коса заканчивалась здесь, но вдали на горизонте была видна новая коса. Тонин сориентировался. По его расчетам, ему нужно было идти на север, через мелководья по ответвлениям косы. На юге она имеет толстый ствол, который затем распадается на множество веточек, многие из которых пересекаются, некоторые почти вплотную подходят к Адрию Четвертому. Именно почти. Там, наверное, придется плыть. Главное, чтоб не утонули бумага, грифели и деньги, подумал Тонин. Вообще, откровенно говоря, плыть самому не хотелось. Надо постараться нанять нормальный борт. Но как его угадаешь. Молчаливый слуга пума был, скорей всего, пиратом или иным грабителем. «Даже странно, что я согласился ехать на такой лодке! Что ж, это тоже опыт, опыт!». Тонин стал искать, где переночевать.

В том месте был всего один маленький трактир. Хозяин сперва назвал одну цену за ночлег и ужин, затем стал говорить, что вообще-то готовить здесь сложно. Тонин попросил его назвать цену на завтрак и услышал, что заранее этого узнать никак нельзя, уж такое здесь место. Мало ли что: ураган, шторм, град, морские хищники – это все влияет на цены, поэтому они непостоянны. Утром и вечером Тонин заплатил больше, чем следовало, но так и не коснулся золотых монет, уже это его обрадовало. Хозяин трактира, похожий на кабанчика – ловкач, хитрюга, однако он не пытался обокрасть Тонина. Тонин нарочно просыпался через каждый час и незаметно проверял, на месте ли столбики дорогих монет, оглядывался, делая при этом вид, что спит. Он пытался сочинять красивые фразы, и не мог, и испытывал приступы стыда. После полуночи в комнату проник шмель с довольно тяжелым жалом. По звуку Тонин определил, что этот шмель из разряда ядовитых. Он сжался и пытался угадать направление звука. Проклятый шмель гудел часа три и спать совсем не получалось. Тонин думал: талантливый писать может придумать то, чего он не видел, но что вполне могло быть, или даже было на самом деле, просто это еще неизвестно. Он очень хотел выработать в себе такую способность и постоянно настраивал себя. Шмель исчез. Комар сел на ухо. «Жулик!» – комар успел кольнуть и набраться крови. Тонин решил его не догонять. Рано утром он заметил на ветхой соломенной стене замершие крылья и ноги. Он хлопнул так, что солома чуть не осыпалась. Ага, пятно! Скорей, всего, это другой комар. Слабость опутывала Тонина и он не знал, как ему удастся далеко пройти в таком состоянии. В результате он не выдержал и лег снова, уже при свете. Он тотчас заснул и пролежал совсем немного. Но после этого он ощутил большой прилив бодрости.

5

«Я совсем запутался. Не скрывая своих мыслей, я должен указать, что в последние два дня испытал букет из ощущений, в котором мысли переплетаются и не могут расти, потому

что задавлены чувствами. Пожалуй, сильней всего я ощущал волнение – оно подавило во мне настоящий страх, и я скорее сердился, нежели дрожал. Мне хотелось найти путь поскорее, я бежал, спешил, лез на рифы и дюны, смотрел, скатывался вниз, бежал снова. Не спал! Спать совсем не было времени и до сих пор я не испытываю тяги ко сну; главное, не заснуть в неприличном месте. Я бежал, спешил, сердился, падал – оттого, что волновался. Рядом не было великих мастеров, способных в любой тревоге сохранить бодрость духа и владение собой. Я видел, как большие споры мастер пресекает одним словом. По правде сказать, здесь совсем иное дело. С кем мне разговаривать, когда вокруг песок и камни, по краям бежит вода. Я пересек массу песчаных лент, тропинок, ответвлений, шагал по колено, но не падал – я еще достаточно владею собой, чтоб держаться головой вне противной соленой воды. Она оскверняла брызгами мое лицо, но пока ей не удалось меня накрыть целиком. Я это обязательно запомню и запишу – когда буду писать, так и напишу «буду писать» и все остальное. Запоминать свои слова несложно. Я допустил опрометчивость, довершившись контрабандистам. Сейчас я понимаю, что все, кто высаживается на обширной косе с ответвлением, представляют собой лиц с нечестными намерениями. В первый день я видел две лодки, которые везли чужой улов. Я это могу точно сказать, поскольку там не было никаких сложных устройств, никаких приспособлений для глубинного лова, тогда как от добытого явно разносился запах дна. Будто мы не знаем, кто живет у поверхности моря, а кто на большой глубине! Нужен трос длиной в сотни локтей – он бы никак не поместился на тех утлых полусферах, замеченных мной. Я счел необходимым уйти поскорее. Веревку можно передать другим, как и снасти, но ведь на волне не удержаться долго в подобном блюде. Определенно, украли. Я слышал дурную речь вдали. Я видел ватагу, которая пошла вслед за мной по залитой отмели, затем они свернули в сторону рифов. Там везде стоят лодки и шатры из простых материй. Где-то, возможно, есть незлые, нестрашные лица, но как их угадаешь? Признаться, советы горных мудрецов кажутся мне немного неподходящими, во всяком случае, здесь. Мудрецы велят следить за речью и о ней судить о сущности; но со многими даже разговаривать нет желания. Они вполне могут ударить или даже лишить жизни, если они большие. Я не очень много насчитал больших зверей, но сейчас, когда песок и соль морей наполняют все пространство, где среди свободных растений стоят лишь бесплодные пальмы и кактусы – любая мелочь может стать предметом наживы. Что уж говорить о больших средствах! Нет, я решительно отказываюсь говорить с кем-либо, пока не доберусь до порта или до причала. До любого места, где стоят лодки многих, а не только проходимцев.

Записав последнее, я стал искать не слишком колючий кактус. Его мякоть отличает терпкий вкус, который некоторым покажется дурным и ядовитым, но мудрость позволяет преодолеть его. К тому же, я могу найти подходящее растение. Вдобавок, я принадлежу к тем жителям, кто особенно умеет потреблять растительное волокно. Я обнаружил тонкий кактус, немного обрезал его и погрыз, и стал мечтать о минеральной воде. Смешно – у меня столько монет, что я мог бы ежедневно заказывать воду бочками – но при этом я не могу достать даже наперстка. Стоит помнить, что я нахожусь вблизи самых границ океана, где нельзя требовать удобств. Надо выйти к Четвертому Адрею поскорее. Прошло уже около недели, а я еще и не вышел в океан. Горные мудрецы не объяснили мне пути, я его ищу сам. Кажется, я почти дошел до Четвертого острова.

От моря кричат: «Стой! Не влезай! Жить надоело?!» Я гляжу под ноги и вижу лишь песок дюны. Вниз идут кактусы. Кажется, ловят каких-то существ. Желто-розовый серп застыл у берега, в него с двух сторон мечут гарпуны с веревкой. Я видел, как мелькнула белая струя – очевидно, хотят использовать белый огонь. Он иногда, не обжигая, проходит насквозь, и от этого тело теряет устойчивость. Я видел это во время ритуальных поединков с диким рогатым зверем. Но тогда он был на привязи, и его не убивали по-настоящему. Белый огонь прячется и рассеивается, он слишком слабый. Такой вид волшебства используют для ламп и светильни-

ков, если волшебства очень мало. По серпу не стреляли. Кажется, это медуза. По морю пошли колебания – волны враз поменяли цвет, сделались сперва просто пестрыми, а затем лиловыми. Полетели искры. От бортов кричали и ругались, били искры тряпками и даже голой рукой, кто-то качался как пьяный. Серп не двигался и не уходил, и все же его не могли схватить. Из обитателей морской чащи добывают разные вещества, делают с их помощью снадобья. Треугольную медузу пытались схватить и гарпуном, и сетями на очень длинной рукоятке, однако всякий раз из нее сыпались мелкие искры. Рыбаки поднимали голову и порой кричали сердито наверх. Я осмотрелся. Вокруг меня никого. Если слова направлены ко мне, что ж... не видя причин для ссоры, я все же считаю себя решительно не виноватым. Рыбаки с висячим ухом стал жутко сквернословить. Они разворачивали самый большой гарпун, но смотрели не в море. Я решил все же уйти – я не делал ничего плохого, но не хочу, чтоб думали, будто я испортил ловлю. Крики раздавались очень долго. Спустившись с дюны, я прошел на восток, но там берег уже заканчивался. Я повернул и случайно увидел удобную отмель. Я прошел по ней версты три или четыре.

Все-таки это еще не конец дюн. Край Адreja Четвертого не разглядишь. Я дошел до места, где стояло множество лодок, целиком заполненных снастями и всяким народом. Улова у всех было мало. Я показывал всем печать мудрецов, мне кивали, но никто не хотел плыть на Адрей Четвертый. Сохраняя некоторую хитрость, я нарочно не говорил о цене, но и не собирался спорить. Среди рыбаков многие с висячими ушами, похожие на собак, однако это другой народ, не собаки; я видел мужчин-псов и знаю, что с ними можно иметь честное дело. К сожалению, тут все были с юго-западных берегов, где собаки совсем не живут. У нас не советуют им доверять; все же я спрашивал, как дойти по отмелям до места, откуда можно увидеть Адрей Четвертый, оно же существует? Мне советовали крутить петли и считать круги – именно это мне говорили, никак иначе. Лишь часть дюн постоянно стоит на морем, все остальное затапливается в разные часы. Мне начертили сложную схему на песке, на которой я понимал лишь начало. Это были бесплатные советы, поэтому я не удивлялся чужой беспечности. Если б они знали о моем важном деле, вероятно, были бы гораздо учтивей; но мне не хотелось хвастаться. Пышные слова могут привести к печальным событиям, а со мной – никакого сопровождения. Кроме того, бедняки не любят, когда перед ними хвастаются. Ни у кого нет материи, сравнимой с моей. Правда, она слегка испачкалась и покрылась морской солью. Деньги, грифели и листы в порядке. Я походил, отошел, сел на камень и укололся. Пчела? Скорпион! Он как будто не был живым или испытывал лень; он не ударил меня, я сам его коснулся, а он застыл как камень. Но это явное жало. Я поскорее отбежал. Что было делать? Отсюда я уже не знал как идти. Возвращаться назад стыдно; вдобавок, пешком тоже не дойдешь. Я вернулся и стал упрашивать рыбаков довести меня до Адreja Четвертого.

Один взъерошенный тип прожужжал:

- Хжм! Так жа жколько ж! (За сколько). – Я спросил, сколько стоит, чтоб не обидеть никого. Из моих наружных карманов просыпался песок. – Жадо жечас! (платить сейчас). – Я вынул горсть монет. – О-о ж, пошли! – он привел меня к очень старому баркасу. Его нос наполовину зарылся в песок, корма, напротив, выступала над водой высоко. У баркаса было трое зверей. «Это еще кто? Зачем? Сколько! Сколько?» - все внимательно взглянули на меня. Я смутился. «Эй, Вы! Парень. Зачем Вам?» - «Без разбора! Не потянет!» - сказал другой. «Что, и за деньги?» - Они слегка поспорили. Я вынул все, что было в карманах (не такая большая сумма, я взял это из дома из моих собственных средств. Я еще ни разу не потратил денег Арёпага). Они закивали и стали проверять свой борт. В некоторых местах он был густо обмазан смолой, из которой торчали щепочки, или даже иглы. Борт столкнули на воду. «Поедешь заместо балласта» - сказали мне. Я передал все деньги, но у меня любезно взяли только половину. Я оценил это; но потом, уже в море я припомнил, что у моряков принято брать половину цены за проезд вначале и половину перед высадкой. Мой знакомый соболев сделал не так, но ведь он

знал меня, и мы с ним жители одной страны. С чужими, вероятно, он рассчитывается иначе. Я сел возле грязных досок и мешков. Со всех сторон меня чем-то обложили. Борт шел медленно, очень плохо поворачиваясь под парусом. Дорога не была долгой. Чтобы перескочить с крайней точки отмелей на Адрей Четвертый, нужно одолеть всего пять верст по воде. Вплыв, конечно, сложнее; думаю, я одолел бы это расстояние, если бы смог его верно определить. Мне доводилось бывать на прибрежных островах, но сейчас я забрался дальше. От качки в моем животе возникали дурные ощущения. На берегу я отдал вторую половину горсти, пошел куда-то – потом опомнился и огляделся. Меня не преследовали. Это уже хорошо. Но вскоре меня охватила тревожная досада. Я до сих пор не сел на большой корабль и даже толком не знаю, где это лучше сделать. У Адрея Четвертого точно есть большие причалы. Я отправился в сторону одного из них и так разогнался, что чуть не опрокинул продавщицу с крючками. По всему архипелагу продают рыболовные снасти из подручного материала. Они стоят очень дешево, потому что сами – ничуть не золото. После двух-трех раз крючок часто обламывается, проще достать другой. Простой металл здесь ржавеет, настоящая сталь стоит гораздо дороже. Леску тоже делают из всего подряд, даже из рыбьих внутренностей. Признаться, не люблю таких вещей. Но раз уж я об этом вспомнил, придется это записать. Я должен быть честным во всем. На причале мне посоветовали сперва обратиться в контору.

- Где же она располагается?

- А вон – видишь палочки и доски. И там, и тут. Повсюду есть.

Конторами тут называют сараи с матерчатой крышей, у которых есть подпол с замком. Довольно много вещей здесь хранится под землей. Я видел, как из черной ямы вытаскивали большие древесные брусья и всемером тащили на телегах. Самодвигающиеся приборы есть у очень немногих, силу волшебства также почти не используют, чтоб толкать колесо. Чаще всего нанимают зверей покрепче, чтоб тянули. Судя по одежде, моряки тоже занимаются этим. Я попал в трактир, сразу заснул, а затем, пробудившись, съел непонятно что. По привычке я сунул руку в карман и вспомнил, что отдал все рыбакам, которые называли меня «балластом»; мне стало жутко стыдно. Но тут же я нащупал пять монет в другом кармане. Хозяин закивал и вернул мне одну, самую старую монетку. Деньги Ареопага при мне; не стоит их показывать в таких местах. Доберемся до конторы, а там... эти мелкие домики меня совсем не впечатляют. Я спросил, есть ли тут каменные дома. Прохожие стали шутить над моим зрением. Дома из камня хорошо видны с берега; просто я не смотрел в ту сторону. По крутым склонам я поднялся наверх и ходил среди зданий с двумя и тремя этажами. В узких местах на меня налетали дети, предлагали купить что-то. Я видел взрослых – те были не столь навязчивы, однако ни у кого я не мог найти достойного лица. Сразу видно было, никому здесь не интересны книги, поэтому и говорить о них не стоит. Я нашел конторы, но лица в них были такие же, как на берегу. Я спросил, есть ли где-нибудь поблизости биржа услуг. Мне указали на площадь, за которой стоял низкий и длинный дом с кирпичными стенами. Площадь вся разбита на участки. Там стоят палатки, палаточки, дома с окошками, где продают, выдают, выписывают. Я почувствовал сильный запах гербовой бумаги. Здесь покупают и обменивают векселя. Кажется, и банкноты есть? Я слышу обрывки фраз. Довольно нервно и быстро все кружится»

6

Тонин видел движение уличной биржи. Забравшись на особые постаменты, дельцы выкрикивали в толпу:

- Кому векселя с четвертью? Векселя две четверти! Облигации, купюры! Черные, красные, изумрудные! Еловые! Еловых нет! Черные по два за три четверти. Три четверти! Еловые-еловые, где есть?!

Они одновременно зазывали и хотели купить. Бумаги различаются по цвету, форме и содержанию. В зависимости от окраски листа стоимость меняется, иногда возрастает значительно. Чаще всего мелькают простые бесцветные листы с коричневыми или рыжими чер-

нилами. Это векселя, заверенные нотариусом, в них содержится обязательство заплатить по предъявлению определенную сумму. Векселя продают, когда срочно нужны наличные деньги – в этих случаях векселя идут дешевле. Иногда их цена снижается на три четверти, или даже на пять шестых. Тонин слышал, так поступают, когда не верят в ценность векселя и желают выручить за него хоть что-то. «А если не продадут? Зачем же его покупали». Вокруг сновали невысокие субъекты, из числа разнопородных зверей, за ними появлялись более высокие, тоже очень деловые. Тонин старался держаться подальше от самых больших и хотел, что они не заметили его в толпе. С другой стороны, он не на шутку опасался воровства. Ему нужно было пройти к кирпичному зданию, и миновать толпу не было никакой возможности. Сунув руки в карман, он стал протискиваться почти как заправский моряк, который в ряде случаев никогда не машет руками. Ему удалось пройти до середины почти без потерь (только дважды отдавили ногу и еще задели хвост чем-то липким). Оставаясь внимательным, Тонин заметил, как в толпе начинают бросать на землю какие-то деревянные кольца и печати. Между голоринами и козликами вышел спор. Обвиняя друг друга, они кидали прямо под ноги проходящим содержимое своих мешков, все спотыкались, но продолжали двигаться. Деревянные предметы исчезали в пыли, однако никто не пытался их схватить. Из мешков то и дело выбивались дурные запахи – постояв секунды две, запах прятал свой хвост, исчезал, а затем выплывал уже из соседнего мешка – у того, кто был заодно с первым. Голорины и маленькие козлики пытались изобразить колдовство (на самом деле, это была мистификация; с ее помощью партнеры хотели напугать контрагентов. Те, в свою очередь, также делали вид, что владеют волшебной силой). Тонин, ничего не понимая, пробивался к боковой стене кирпичного дома, но тут возник живой поток, загудели трубы. Кто-то очень важный погнал вперед своих камбо – так в просторечии и на кораблях называют истуканов, которых оживила магия и заставила выполнять простые физические операции. Камбо («каменные болваны») могут быть размером с большого дикого зверя. Чаще всего они тянут и везут тяжести. Иногда их можно обучить определенным операциям, например, бить или резать. Тонин знал о механических руках, которые выполняют работу благодаря волшебству. Он хотел посмотреть, вытянул шею – тут в него врезался медведь со стамесками и лестницей. Край опоры едва не пришелся по голове Тонину. Тонин бодро изогнулся, выпрямился – и вдруг заметил, что висит на лестнице, почти без рук, а ноги его остаются в толпе. Их тянет, словно лодку парус, ноги не идут, Тонин висит – теперь он держится надежнее. Медведь и все вокруг убегают. Но завыли новые трубы – теперь уже из другой стороны идет телега с камбо. Телегу толкают сзади, она подпрыгивает, это очень неудобно. Очевидно, иному способу движения тех камбо еще не смогли обучить. Все торговля сбивается в ком. Лестница падает. Тонин очень вовремя успел убрать голову, но получил шишку уже с другой стороны. На медведя упали, он тоже упал на чьи-то мешки. Раздался пронзительный и очень тонкий крик. Хотелось убежать, но сперва нужно выбраться из общей кучи. Торговки били всех чем-то соленым и мокрым. В Тонина замахнулись, но он резво отскочил, столкнулся спиной с другим бойким зверем. Куча охала и ругалась, а торговля векселями идет уже снова. С постаментов заывают: «Черные, алые! Есть еловые?» Постамент подобен стулу, слившемуся со стремянкой. У ног его есть особые гири и грузы, благодаря которым постамент не падает даже в агрессивной толпе. Такими стульями владеют видные деятели, у них, как правило, есть немало помощников и слуг. Им нет нужды самим бегать в толпе. Но в то же время они хотят видеть ее движения. Отовсюду кричат и предлагают обмен бумажек.

Тонин разогнался и побежал в сторону от кирпичных стен, по направлению к заборам, которые издаലെка напоминали границы лабиринта. Изгороди здесь собирают из лесного и корабельного сора, а потом обмазывают смолой, иногда подкрашивают известью с примесью простых красителей. Забор означает владение отдельного продавца. Все сидят за самодельными столами и предлагают товар. Забор символизирует отдельную лавку. Впрочем, тряпичные палатки здесь тоже есть. Продают мелкий товар, в оплату берут облигации – но уже не

по той цене, что на площади, а по своей собственной. Тонин слышал, как предлагают купить билеты. Он обернулся. В палатке из парусины сидели родственники ежей и предлагали сесть на торговую телегу. Камбо ее могут тянуть сто и даже двести верст без остановки, и соответственно, самому не придется шагать. Тонин спрашивал, может ли телега довести до большого причала. Сородичи ежей пыхтели, подмигивали и предлагали купить гадальные карты: дескать, из них будет все понятно. Тонин посчитал такой подход жульническим. Но и другие палатки, другие заборчики хотели обмануть: предлагали плыть до Второго, а там пересесть, хотя Тонин знал, что так не удастся. Он помнил названия мест. Ему говорили о кораблях и яхтах. Этих названий он уже не знал, но во всем чувствовал подвох. Особенно его удивляли мохнатые существа с круглыми телами, с короткими толстыми ругами, с ногами, почти как у птиц – у них не было нормальной стопы, вместо нее три пальца лучами отходили прямо от голени. При этом пальцы могли довольно ловко сжиматься. Головы у существ были маленькие, практически без шеи. Сзади на голове были перепутанные волосы, как и на всем теле, зато спереди четко выступал пятачок. Существа вовсе не родственники кабанов и вепрей. На тропических островах, среди лесов и болот обитают такие создания – они не имеют городов, не знают сельского хозяйства и большинства ремесел, включая собственный письменный язык. Есть большие основания считать их отсталыми; однако ученый заяц заметил в толстых ручках тонкую резьбу. Кулон или амулет, выполненный из сплава, пусть простого, но тем не менее настоящего, вызывал большое удивление. Сидя в крошечных шалашах пунпусы – так называют себя мохнатые существа – продают изделия из металла с резьбой и чеканкой. Встречается довольно тонкая работа. Чеканка содержит изображение печатей и фрагменты текста, которые надо предоставить, чтобы получить доступ на корабль или пройти через таможню. «Я совсем забыл – в других странах есть таможня. Надо купить, выходит. Но у этих... перышек... неловко. К тому же, надо сперва развязать пояс. Я это сделаю в приличном месте». Тонину стоило уже пойти в настоящий дом, а он все еще ходил вдоль палаток. Иногда его резко спрашивали: что надо? Он показывал печать Ареопага. Продавцы не разбирались в тонкостях ученых печатей; им достаточно того, что печать сделана из дорогого материала, стало быть, это заяц непростой. Вероятно, даже богач или начальник. Увидев печать, ему кивали с почтением. Тонину хотелось найти единоплеменников – зайцев-выходцев из его страны, или хотя бы просто настоящих зайцев, чтобы поговорить с ними более доверительно. От увиденного многообразия кружилась голова. Тонин покинул рынка, присел и стал соображать.

На другой стороне земли три маленьких континента соединены узкой цепью – от них земная полоса уходит на средний материк, а через него – на самый большой, огромный. Континенты образуют единую сушу, но считаются по отдельности. Земное кольцо идет вокруг внутреннего океана. Среди его морей тоже есть острова, в самом центре – совершенно особенные места. Фребегонд писал о тех землях прелестно. Хорошо бы приплыть сразу в страну Фребегонда. Да, на корабль, прямо до его страны! К сожалению, Тонин напрочь позабыл, в какой стране сейчас живет писатель Фребегонд. Он, точно, был родом не с большого материка и не северных его краин; кажется, он с юга, где береговая линия сильно изрезана и есть множество полуостровов. Они, хотя и являются физической частью материка, но входят в состав других частей света. Тонин отлично знает их имена, но теперешнюю страну Фребегонда никак не припомнит. В любом случае, она расположена в другой половине мира. Посидев, Тонин пошел обратно к кирпичному зданию. Материи хлопали и шелестели, юркие звери толкались, руки сами собой прижимались к бедру. Выглядывая из шалашей, пунпусы щурили свои глаза, круглые, как бусины, посвистывали и шелкали. Они не умели говорить по-настоящему. Тем не менее им доверили продавать довольно дорогой товар. Тонин сумел пробиться к старым стенам еще до начала вечера.

- Пропуск есть? – спросил стражник.

Тонин машинально показал печать. Стражник убрал копьё. Чтобы попасть внутрь биржевого дома с конторами, нужно было всякий раз покупать входной билет, или быть хозяином площадок, или представлять солидную организацию. Печать Ареопага сочти подходящей. После уличной толпы приятно поражал простор – среди двух больших залов ходили только редкие посетители, а дневной жар почти не ощущался. Своды поддерживались колоннами, кое-где тускло горели светильники. Окна располагались лишь с одной торцевой стороны, а при входе было довольно темно. Тонин шагнул в темноту, тут же замер и стал оглядываться, стоя на месте, чтобы не столкнуться с другими ненароком. В глубине зала стоял пес с полувисячими ушами. Тонин не разглядел его лица и решил держаться подальше. Он подошел к окну, где принимали заявки. Его попросили подождать. Залы соединялись широким проходом. Вторым зал был тоже покрыт полумраком. Двери в кабинеты держались на запоре. Дважды они отворились и потек настоящий свет, но тут же прекратился. Судя по всему, биржа не хотела тратить свет впустую, поэтому в залах ожидания темно. Тонин присел и почувствовал, как его что-то колет. Он пощупал – холодный камень. Мимо прошли два енота в довольно дорогих нарядах. Береты целиком скрывают уши. Вдалеке кто-то подошел ко псу, забормотал, пес громко заявил: «Этого не нужно». От него отбежали. Вскоре к Тонин подошел юркий зверь и предложил купить билеты.

- Вам на первый материк? Или на второй?

- Вообще-то я хотел посмотреть везде... А сколько это стоит?

- Так если вам по всем землям – это надо нанимать транзит. Это совсем другое дело. У нас можно. Но стоит гораздо.

- Что там такое? Нет, мне не нужен пока транзит. Мне доплыть лишь до первого.

- Что там будете делать?

- Это мое дело. У меня есть дела. Верней, намерения. Серьезная цель. Это можно?

- Если подпишите – Тонин поглядел на тусклый лист с размытыми строчками. Внизу стояла печать, отколотая в пяти краях. Казалось, ее неоднократно срывали и ставили снова. Он сразу заподозрил подвох.

- А по другим листам можно ехать?

- Да можно! – зверь достал мятую стопку. Все листы выглядели либо поддельными, либо очень ветхими. Тонин не имел специального образования в области права, и все же мог точно определить, что буквы и строчки не были первоначальными; листам приходилось терпеть обновление. Вот появился лист со стертыми надписями. Их скопировали как при изготовлении печатных книг; техника очень ненадежная, но лист совершенно новый. Волшебство. Тонин спросил, есть ли что-нибудь еще.

- Ну Вы и сударь! Вам ничего не нравится! – весело сказал зверь. Тонину почудилось нахальство в голосе. Ругаться и быть строгим он не умел, но решил проявить упорство.

- Мне нужен совсем новый договор! Чтобы там были совсем свежие чернила.

- За сколько?

- Что сколько?

- На какую сумму хотите ехать.

- Я не знаю, вы же не назвали точную сумму. Назовите! Ну... да, что ли. Только нужен новый лист.

Зверь ушел, а вместо него появился кабан, куда более противный. Он пробурчал:

- Вёт, оно. Давай быстрее, а то – долго возишься.

- Погодите. Дайте прочесть! – сказал Тонин строгим голосом. – Где светильник? У вас есть светильник? Почему нельзя читать при свете. Я выйду?

- Это собственность! – кабан вцепился в лист и одновременно в штаны Тонины, Тонин вырвался.

- Ладно, не пойду. Я здесь! Да я же сказал, тут что ... не понимают развернутой речи? Мне удивительно это слушать.

Он подошел к светильникам и стал вглядываться в слова. Тем временем из дверей вышли кабаны и похожие на них звери. Один вел на веревке пунпуса – тот тащил мешок и три свертка. Кабан сказал:

- Убью! – Тонин вздрогнул от этого. С первого раза он не понял никаких слов. Текст был не на Общем Языке, а на языке торговли, с довольно блеклым шрифтом. Тонин вгляделся и сразу увидел ошибки.

- Я спрашивал о возможности доехать до первого материка, а тут перечислены земли, которых там нет. Помимо этого, указаны острова. Я не собирался ехать на острова!

Кабаны зашумели, засвистели.

- Как можно попасть на материк, минуя острова! Острова – ближе, чем материк! Вы вообще не понимаете!

- Вовсе нет, я представляю описание и контуры тех земель, куда мне нужно попасть. А ваши услуги... печать представлена некой кляксой. Прошу выдать нормальный лист.

- Да как же! Вы ж – ничего! – преисполненные возмущения, кабаны стали наседать. Тонин не испугался и решил спорить; руки он держал в карманах, как настоящий матрос, и следил, чтоб чужие пальцы не проникли в его штаны. Дорогие столбики лежали глубже, но ведь материю могут разрезать насквозь. Кабаны хотели его зажать и подавить криком. Слегка раздвинув локти, Тонин начал толкаться. Но тут подошел пес и сказал спокойным, но решительным басом:

- Прекратите. А ну, быстро.

- Вы-вы-вы! Вы то – что? – закричали кабаны. Пес схватил одного и спросил:

- Отбивных не делали из ваших... – не дослушав, кабан задергался, заморгал и стал испуганно кивать. Он был ростом меньше пса, и меньше Тонина. Все кабаны имели плотные тела и могли больно ударить с разгона, могли зажать толпой. Однако пса они испугались. Толпа вмиг раскатилась и попряталась по комнатам. Пес сказал Тонину.

- Здравствуйте. Вы, верно, мастер книг?

- А почему Вы так решили?

- Ваша речь далека от того, что говорят простые торговцы и молодые парни. Она гораздо выше этого. Вы и законы, верно, знаете?

- Да, я знаю обширный свод! – Тонин ощутил радость. Пес вынул из сумки ряд помятых истрепанных векселей. Бумага была ужасно старой, тем не менее, оставалась прочной. – Вот это обязательство выплатить долг зерном. А это – точно такой же знак – обещает выплачивать монетами. Векселя оформлены одним лицом. Как понять, чем будут выплачивать? Деньги нам полезны, зерно – нет.

Тонин стал рассматривать. Он понимал этот язык, но символы наползали друг на друга, в некоторых местах они переплетались узором. В конторах так часто делают, чтобы защититься от подделок. Только настоящие знатоки и очень опытные лица могут определить подлинное содержание векселя, его подлинные обязательства. Кое-что Тонину совсем неясно.

- Тут темновато. – Они вышли наружу. – Этот знак похож на лотос, который ставит фирма «...». Но это как будто не настоящий лотос. А это... вообще ненастоящие буквы.

- Да, они ставят лотос печатями! Нельзя ли определить, эти буквы стоят, чтоб заполнить место, или что-то значат? Нашему вояжеру вручили кипу таких листков, вместе с монетками. Он и не посмотрел. Он такой молодой да бойкий, смотрит на девиц, как все молодые – вместо того, чтоб заниматься делом. Как, нельзя сразу определить?

- Вы знаете, трудно.

- Я хотел нанять здесь знатока законов, чтоб быстро объяснил. На материках нам надо уже сдавать это все в кассу, а мы не знаем, что за что идет. Я хотел нанять – а они тянут!

Заявили такую сумму – за нее можно нанять целый отряд, а не одного болвана. Все хитрят. Все проходимцы. Как они зашумели, когда Вы не согласились с ними. Вы знаете, что они кричат?

- Нет, не знаю.

- А черт их разберет, что они кричат! Они делают это специально, чтобы подавить. Значит, Вы не совсем знаток законов? Но ведь – вы настоящий книжник?

- Я из Висс-Логоса! – гордо сказал Тонин. Пес кивнул – скорее, по привычки, а не из уважения к стране книжных мастеров. Он спросил, куда Тонину нужно ехать. Тонин осторожно сказал, что хотел бы добраться хотя бы добраться до первого малого континента. «А дальше?» - «Будет прекрасно, если я попаду на южные берега большого. Там много... интересных лиц и писателей». Пес почесал за ухом.

- Наш караван идет в том направлении. Через первый, на второй и третий – и остановка на большом. Почти там, где вам надо. Мы идем небыстро. У нас баржи, но со снастями. Хотите с нами ехать? Только надо будет прочитать векселя и прочие деловые листы.

- О да, я могу, могу! – сказал Тонин. – А сколько это будет стоит? Я хочу сказать, сколько нужно дать, чтоб присоединиться к вашему каравану?

- Нисколько! И можете делать, что хотите. Листочки надо проверить до большого, но там мы будем после всех остальных. А к первому нужно проверить лишь часть. Поедете?

Тонин обрадовался. Пес был бравый, опытный мореход; по некоторым признакам его можно было принять за морского авантюриста или даже за пирата, но он не занимается такими вещами. Тонин слышал, что на торговых баржах, в отличие от кораблей, очень мало кают с окнами. Но он согласился, поскольку ему уже наскучило ждать на границе океана. Пес как будто встретился хороший. Он даже не ругается, как многие бывалые моряки.

7

- Фарэкс! Добыл знатока?

- Здесь их прячут. Знатоки везде в большой цене, но эта жалкая тряпица суши воображает себя царствующим домом. Олухи, болваны, лентяи. Ничего, ничего. Мы не утонем.

На барже пса встречали помощники и другие моряки. Они были все псы и говорили, как приятели. Впрочем, они подчеркивали, что первый пес, Фарэкс, является руководителем. Висячие уши показались Тонину забавными. Он скромно стоял, пока Фарэкс с помощью приличных оборотов критиковал здешние условия. Потом он сказал:

- Едем. С нами мастер слова. Это лучше!

- Ого! А это кто?

- Мистер Ренцелер, из Висс-Логоса, где знают толк в письменном слове. Мистеру Ренцелеру нужно туда же, куда и нам, и он очень разбирается в словах.

- Вы можете прочесть любое слово?

- Я могу даже написать! – с гордостью сказал Тонин. Псы громко засмеялись, Тонин немножко смутился, но решил не терять достоинства и сказал, что для работы со словами требуется ясный свет на столе. Псы засмеялись еще веселей. Наверное, у них было прекрасное настроение. На острове почти не было красивых женщин, включая собак, и найти себе утеху крайне затруднительно; а в море это и вовсе невозможно, поэтому многие моряки грустят, не видя красавиц подолгу. Не нужно к ним подходить, достаточно лишь увидеть. В богатых странах волшебство позволяет создать изображение красавиц в натуральную величину – их нельзя обнимать или трогать, но можно без конца смотреть, пока волшебство не израсходуется. Морякам Фарэкса это не нужно. Они подмигивали и кивали Тонину, который всем говорил «здравствуйте». Он решил не кланяться, поскольку моряки не были мудрецами или высокими персонами. С другой стороны, они управляют всем на барже. Вдали на якоре стоял караван. Огромные полена, погруженные в воду до половины, гигантские бревна с тонкими иглами наверху. Именно так представлялись баржи Тонину. Судно Фарэкса имело больше парусов. Их начали резво ставить псы и еще другие существа, очень небольшого роста, очень пушистые и

без признаков одежды. Тонин принял их еще за одну группу пунпусов. Но у этих пунпусов руки и ноги нормальной формы, лица напоминают собачьи. Псы толкают их не стесняясь, иногда даже бьют. На кораблях царит жесткая иерархия, и дисциплину поддерживают ежесекундно. Тонин слышал об этом не раз. Он пристроился у маленького окошка и стал разбирать бумаги. Рядом располагался камбуз. Постоянного кока на корабле не было – псы по личной договоренности решали, кто будет готовить сегодня, завтра и во все дни. Многим нравилось заниматься на кухне, и Фарэкс тоже готовил; правда, он никогда не мыл посуду и не чистил плодов, выполнял лишь самые сложные кулинарные операции. Атмосфера на барже была довольно демократичная. Тонину повезло. За двадцать дней караван пересек ту часть океана, которая отделяла острова от первого материка. Настоящих бурь и ураганов не случилось.

По дороге Тонин разбирал облигации, векселя, прочие имущественные бумаги на разных языках. Большая их часть была написано мелко и неясно с точки зрения юридических трактовок. Одно и то же обязательство на разных бумагах можно было трактовать по-разному. Задачей Тонина было извлечь из текста окончательные формулировки и перевести их на общий язык, которым псы активно пользовались. Караван выполняет торгово-транспортные, а также промысловые операции. В этот раз везли товар для царей на южной части континента-«сэндвича», обратно везли ценные породы древесины и чугуна. Волшебство позволяет зажечь пламя в простой земле, без использования угля. Его порой используют для выплавки чугуна из горной породы. Для получения сплавов и готовых изделий волшебство уже не используется – во всяком случае, серьезные книги ничего об этом не пишут, Тонину ни разу не удалось найти сведения, чтобы по волшебству возникла чугунная ограда или лестница. Что уж говорить о более сложных изделиях. Правда, волшебство позволяет исчезать и появляться внезапно. Возле окошечка расположен довольно удобный стол. Тонин хотел вначале взять все бумаги, но их оказалось очень много. С трех барж перенесли два сундука. Главный торговец (вояжер) остается на третьей барже, которая не определяет курс в открытых морях. Псы говорят, это довольно пронырливый тип, поскольку он лис. Тонин испытывал легкое предубеждение против лисов-мужчин, поэтому был рад, что вояжера нет на этом борту. Работа с бумагами не обременяла его. Тонин сидел два-три часа, разбирал мелкий текст, запоминал и кое-что записывал, затем выходил на палубу. Если Фарэкс не был занят, он передавал ему содержание работы. Вплоть до первого материка Тонин ни разу не достал своих заветных монет. Псы давали ему все бесплатно, и везли бесплатно; Тонин был очень доволен. Он только вздрагивал, если судно налетало на большое морское тело. Подводные существа могли медленно дрейфовать на волнах, совершенно равнодушные к кораблям. Иногда они имели форму толстых пленок, но чаще всего это были моллюски и огромные полихеты. Моряки говорят, их тела размножаются путем дробления, и если порвать огромное тело, из него высыпятся сотни, тысячи мелких зародышей, каждый из которых способен дорасти до огромных размеров. Это происходит далеко не со всеми, поскольку в море идет постоянная борьба. Хищные рыбы хватают маленьких рыбок, морские змеи и ящеры охотятся уже на всех без разбора. Однажды Тонин увидел, как вдали, в южном направлении морской ящер с плавниками вместо ног догонял огромного кальмара, который по каким-то причинам не мог опуститься на дно. Чаще всего охота происходит глубоко под водой, где уже не видно, поэтому картина привлекла многих. Псы смотрели и давали комментарии. Рваные щупальца кальмара издавали ужасный запах, слышимый даже за несколько верст. С разных сторон к нему стали подходить акулы и другие морские хищники. По акулам псы из специальных арбалетов выпускали стрелы и дротики. Однажды акулу поймали на крюк, подняли с помощью специальных рычагов, и держа над морем, стали бить копьями. Потом акулу сбросили обратно. Заключали пари о том, сколько акула сможет продержаться на воде. Тонину не нравились такие затеи, но он никогда не говорил ничего против. Однажды он увидел на западе причудливое лиловое пятно, а за ним – красивые белые разводы.

- Это атолл?

- Это спрут. Выпускает пену. Он так делает, если сожрал кого-то. Или если болен. Он медлительный, но если на него налетишь, может все порушить щупальцами. Они у него не то, что у кальмара – они мощные и к тому же могут выпустить яд.

- Получается, спрут опаснее кальмара?

- Они все чудища. Но самый опасный – это морской змей. Не ящер, не крокодил – именно змей. Он летит по волнам и способен появиться внезапно. В нем есть что-то колдовское, хотя вряд ли морская тварь умеет колдовать сама. Змей прогрызает днища любой толщины, а если они обиты металлическим листом, он делает вмятины, очень неприятные пробои. Чаще все он длиной с баржу или две. Бывают короткие, но те самые злые. Если окажешься при них в воде, то все. Они легко разбивают лодки, даже если на них не нападают. Злые твари. Избегайте их.

- А на суше тоже ведь есть змеи!

- Да, сухопутные. Но те уже называются по-другому. Они как ящеры на ногах. Хорошо хоть, не летают! Волшебство, говорят, это может позволить. Но их мало. Морских змеев много. Иногда они атакуют караваны. А уже отдельный корабль или лодку – это им как...

- И что же, никак нельзя бороться. С морскими змеями? – Тонин почувствовал волнение в ногах и старался успокоить свой хвост. – Правительства разве не хотят установить порядок в море? Ах, да, у воды ведь нет предмета собственности. Морская вода никому не принадлежит, в открытом море. А в заливах змеи не встречаются?

- Там нет выгоды. Там их порубят, подавят. Зажмут! Змеи ведь тоже не дураки. Ими движет нечто такое, чему нет объяснение. Писатели все врут.

- А вот Фребегонд... нет, кажется, он не писал о морских змеях нашего мира, он писал о других – я хочу сказать, мирах. Даже удивительно – мы имеем такие знания, такие книги, не только Фребегонд. И вместе с тем в мире столько беспорядка! Неужели никак нельзя известить змеев?

Псы подвигали ушами.

- Неземная сила нужна для этого. Вы читали много книг, вы их даже написали. Там не сказано, кто может ею обладать? Нет, находятся безумцы, что охотятся и рискуют. Змея можно разорвать, если он окружен. Северные дикари выходят на своих лодках и убивают змеев. Наверное, гибнут сами. Но лишь на севере можно достать настоящие змеевы кости и черепа. Все, что есть на рынках, у торговцев, все что, вы видели в богатых домах – это все не добыто на охоте. Это все купили.

- Наверное, я еще не бывал в таких домах! Скажите, а на севере – дикари – или народы – какое имеют облачение? Ваши младшие матросы, что сидят на реях, это не...

- Что ты, это совсем иные создания. И они совсем не с севера. Просто волосы на них так растут, а на самом деле они даже не поймут, что такое настоящий север. Там очень холодно. Там живут большие дикие твари, на земле и в лесу. Там живут волки. Это они охотятся – на земле, в лесах, на воде. Волки предельно жестокие, им не жалко ничего. При волках будьте осторожней.

- Я, признаться, их еще не видел. Я не был на севере. А они служат на кораблях?

- Нет, самые северные ходят сами по себе. Ни к кому не нанимаются. Волки вообще не любят наниматься, разве что... Сигнал. Меняем курс. Впереди буря или что... Дождь надвигается! Идите под палубу. Не то смочет.

Тонин считал себя довольно ловким малым. Он умел двигаться в неудобных пространствах и на неудобных субстратах, включая сырое дерево. Псы относятся к нему снисходительно, но он не обижается. В конце концов, он же не моряк. Тонин спустился и стал читать лист. Вскоре потемнело. Пошел дождь; но при всей ярости каплей им не хватало настоящей силы. Караван вовремя сменил курс и прошел всего в двух морских милях от края урагана. Волны поднимались не так высоко, тем не менее все палубы почернели от разного морского сора. Едва только вышли из дождя, маленьким матросам приказали навести порядок на

палубе. Псы проверяли и чистили такелаж. Чтобы не отставать от всех, Тонин подбирал мелкие кусочки водорослей, бросал их за борт, а сора все не убавлялось.

8

Волны принесли из моря сочетания липких и дурно пахнущих консистенций. Мыло разводили морской водой, терли изо всех сил, подмешивали соду и уксус, однако липкие кляксы пристали к дереву столь прочно, что приходилось их соскребать вручную, иначе они не сходили. Фарэкс велел бросить это занятие. На горизонте уже появился порт; по приказу Фарэкса караван стали готовить к повороту на рейд. Несколько караванов уже выстроились таким образом и нужно было найти позицию, откуда удобно сходить на берег и удобно уходить в океан. Баржи медленно подходили друг к другу, иногда толкались бортами. Фарэкс при этом всякий раз кричал нечто резкое и толкал маленьких матросов, на псов он просто кричал, однако было видно, что он злится из-за отсутствия слаженности. Караван выстроился так, что от первой баржи до последней можно было перескочить на ногах. От последней спускают лодку. Фарэкс сказал:

- Охраняйте! Тут могут быть всякие. Мы деремся аккуратно, не убиваем, а бросаем только за борт. К тому же, кругом судейские. Они умеют вертеть законами. Одним словом, будьте внимательны. Дорогой книжник, пойдемте.

- Куда, сэр Фарэкс?

- Поможете говорить с судейскими.

- Хорошо, только я же не... - Фарэкс уже перебрался на другой борт. Тонин посмотрел вниз – между кормой первой баржи и носом второй было всего около двух метров, над краем кормы висел вант, за который можно уцепиться и, раскачавшись, долететь до другого борта. Фарэкс, кажется, просто перескочил, он не касался такелажа. Борты покачивались на воде. Тонин решил не бояться. Край ограды неровный!

- Что за вздор. Надо разбежаться. – Он немного отошел, сосредоточился, а затем помчался так, что оказался на последней барже еще раньше, чем Фарэкс. Тонин нарочно не смотрел по сторонам и отталкивался не глядя. Фарэкс высоко оценил его скорость.

- У нас есть векселя с истекающим сроком. Это довольно доходные бумаги – если удастся вовремя их реализовать. В противном случае приписанные им деньги пропадут. Надо идти сразу к судебникам. Они все хитрые! Чтобы не платить, могут разом показать кучу книг и записанных законов. Их все нужно будет очень быстро прочитать. Вы же умеете быстро читать, на разных языках!

- Да-да-да! – Тонин увидел маленькую лодочку, в нее спускались по ванту. Псы сидели на веслах и очень резво гребли. Фарэкс сказал, когда приблизительно им стоит возвратиться, затем подумал и велел позвать еще одного моряка, весьма искушенного в торговле. Вояжер-лис остается на барже, Фарэксу не хочется общаться с ним лишний раз. Лодочка вернулась снова. Фарэкс что-то быстро шепнул товарищу, и тот сразу же пошел от них прочь.

- Он найдет нас по запаху. В книгах пишут, это дикарский способ, но на самом деле полезный. Он будет смотреть, куда мы идем, куда мы пришли, чтобы передать нашим на всякий случай. Чтобы не волновались, если что стрясется.

«Мудро! – подумал Тонин. – А мне и в голову не пришло». Они добрались до города и пошли по широким улицам с низкими каменными домами. Иногда встречались конструкции из коралловых рифов, обмазанных серым застывшим песком. Из них делали декоративные ограды и заборчики. Тонин глядел с большим вниманием, затем вспомнил о бумагах. Высокодоходные векселя с истекающим сроком рассматривают в суде на предмет получения полагающихся выплат, причем их выплачивает не казна или частная фирма, а сама судейская касса. Для этого нужно, чтобы суд согласился принять вексель, это нужно сделать до указанного срока. Если срок пройдет, придется уже самим искать заемщика, таковы общемировые правила. Тонин об этом читал, но еще не сталкивался сам ни разу. По словам Фарэкса, опла-

ченные векселя суд сам использует и получает от этого не меньшую выгоду. Каким образом это получается, никто из моряков не знал, и Фарэкс не знал, но если возможность существует, стоит ею воспользоваться. Вексель дает заемщику быстрые средства, но в то же время может дать долгие неприятности. Тонин спросил, у кого взяли эти бумажки. Фарэкс замахал кудрявым хвостом:

- Не помню! Брал вояжер. Он брал, а мы должны быстро решать, мы же – ответственные... так, это здесь, кажется. Вот ограда, надпись. Мой приятель сзади. Его не видно. Так и должно быть. Если видно, эти могут заметить.

- А кто они?

- Самые разные типы. – за оградой располагался огромный двор, разделенный на сектора. Нужно было пройти несколько секций, чтобы оказаться в административном здании. Фарэкс закрутил головой – он и сам уже не знал, не помнил, как правильно идти. Мимо проходили писцы и явно мелкие сошки. Появились охранники. Фарэкс спросил, где можно увидеть главного пристава или его заместителя.

- У нас векселя. – ему показали направление. Фарэкс и Тонин подошли к самому углу двора, довольно далеко от административных зданий. Следом уже шагали вооруженные воины – тоже псы, но совсем иной породы, а также буйволы и туры. Пристав не имел рогов, но тоже был довольно тучен. Он спросил, что надо.

- Представить векселя честным образом.

- Покажите. – векселя в руках Фарэкса. Пристав потребовал дать ему рассмотреть все. Фарэкс спросил, есть ли рядом судья.

- Зачем еще судья! – сказал пристав. – Если изволите посмотреть, здесь охрана. Служители порядка.

- Нам нужны знатоки законов.

- Зачем?

- Для проверки векселей.

- Дайте!

- Но вы же не служитель судейских книг

- Вы обмениваете? А я слежу за порядком.

- Но вы же не проверяете их по закону? Не покупаете, и не продаете. Мы не украли и не обязаны это доказывать вам. Значит и давать не надо.

- Ага! С вами и разговаривать не стоит. – пристав принял грозный вид, Фарэкс возмутился.

- То есть как? Я бандит, по-вашему?

- Я говорю, что думаю. Я здесь уполномочен. И не обязан слушать всяких.

Тонин решил заговорить.

- На самом деле, мы из Висс-Логоса, с серьезной миссией!

- Молчите! Вы вообще кто. У вас что, печать, документы?

- Да, у него есть, но покажет он их не вам, а судье! – сказал Фарэкс. Не успел Тонин опомниться, а их вели уже почти под конвоем. Появился секретарь с книгой. Старший пристав вдруг сказал:

- Если вы настроены серьезно, то обязаны знать законы, их базу! Назовите восьмое правило поведения в суде.

Эти правила являются общими почти для всего мира, для многих стран; их цитируют, их повторяют в книгах. Тонин их видел десятки раз. Он открыл рот – и вдруг почувствовал, что не помнит, что стоит под восьмым номером. Он стал перечислять точные формулировки на Общем Языке. Пристав прервал его:

- Что нам первое, второе! Это азбука! Восьмое, я прошу.

От волнения Тонин сбился. Он даже не мог сказать, что в пятом пункте.

- Вот видите, не знаете! Посидите пока. Отвести.

Фарэкса с Тонином отвели в комнату, где на окнах были шипы и ржавые лезвия. Их поставили давно и ни разу с тех пор не меняли. Их нетрудно выломать сильному зверю. Но вокруг все равно стражники. И тут судейская земля. Фарэкс крикнул через дверь:

- Долго ждать?!

- Пока судья не придет. Наверное, сегодня.

- Прекрасно! Сели. Нет, на самом деле, здесь не страшно, мой приятель должен найти след. Он поймет, что мы застряли. Не ожидал! А вы, премудрый заяц, тоже не ждали! Я понимаю, тут немудрено растеряться.

Тонин уткнул голову в колени.

- Не волнуйся, не убьют. Мы же ничего не совершили, даже не хотели.

Тонин прижал кончики ушей к щекам и думал, думал, вспоминал. Из его головы вылетела совсем простая формулировка, простые слова, которые и цитировать нет надобности, надо просто передать смысл, он простой... как же он все забыл. Он повторял про себя те злосчастные пункты о поведении в суде. Вплоть до шестого он помнил все отчетливо, даже наизусть, но дальше – словно отсекло серпом. Черная пелена накрыла память. Фарэкс присел у другой стены. В комнате отсутствовала мебель, пол был песчаный, рассыпчатый – по нему немного ступать. Неожиданно Фарэкс издал короткий вой, затем гавкнул два раза.

- Это для приятеля. На всякий случай. Много шуметь нельзя, да мы и не будем. Как же вы все забыли! Я-то эту дрянь никогда не читал. – он подумал и добавил шепотом. – Они тоже здесь – как жулики. Пользуются особыми правами в пределах правил. Судья вершитель закона, потому ему даны права. А кто их дал-то? Те, кто судит? Ведь не те, кого судят, кого могут судить. Сами все захватили, а теперь рассказывают!

Фарэкс немного ошибался. Судей выбирали на специальной мировой коллегии, где участвуют представители разных стран. Попасть на коллегию очень непросто даже при наличии больших денег. Для этого нужно рекомендации – от судей и от солидных лиц, от государственных деятелей. На коллегии тщательно проверяют знание многих законов, поэтому выбор судей, по крайней мере, отчасти является объективным. У Фарэкса свое мнение, он не станет его менять. Он спросил, нет ли у Тонина солидных знакомых на этом континенте. Тонин замолчал головой и подумал, что известных писателей, наверное, тоже считают самыми солидными лицами, и Фребегонда в их числе. Жалко, что Ареопак Висс-Логоса не дал никаких рекомендательных писем. Он думал, думал, и задремал сидя, находясь в сосредоточенной позе. Он устал так сидеть, но дрема его ободрила. Тонин решил пройтись по песку.

- У вас там беззаботная идиллическая среда! – сказал вдруг Фарэкс. – Оранжерея без хлопот. Вдали от земной суеты читаете и пишете книги.

- Ну почему же, надо много работать. Целый год писать не вставая и...

- Это, конечно, труд большой.

- Выходите к суде! – сказали вдруг за дверью. Засов противно заскрипел. Тонина Фарэкса отвели в другую комнату, похожую на первую и отличавшуюся лишь тем, что в ней уже сидели другие, с руками и лицами павианов. Младший пристав велел ожидать судью. Рядом стоят стражники. Однако павианы смотрят злыми и веселыми глазами, не боятся нисколько. На странном языке они шепчутся. Фарэкс немного послушал и шепнул Тонину:

- Вы знаете язык агргуав? Похоже, болтают на нем. Но слова исковерканы. Буквы ставят наоборот, в обратной последовательности. Послушайте, о чем они трещат. Только смотри в другую сторону. – Тонин прислушался. «Да, это редкий язык. Сильно искажен. Хорошо бы кого пощупать. Поску... пощупать, точно. Остальное неразборчиво». Он передал Фарэксу.

Фарэкс сделал презрительное выражение лица и оскалился в сторону павианов. Те не испугались, но и не пытались подойти. Фарэкс понял, что здесь в худшем случае приходящая заключения, если можно так просторно двигаться. Он знал, что в настоящей тюрьме повсюду

теснота, часто сидят в ямах или в окружении клинков. Он подумал: «Мы несколько не должны бояться, мы не делали ничего дурного, более того – суд может получить выгоду от нас. Так, чтоб и нам была выгода, а не то, что. Самые глупые всегда жулики. Пристав, кажется, дурак. Ничего, на баржу он не пролезет. Наши дадут отпор».

Вскоре пришел судья. Через проход в комнате его нельзя увидеть, но было слышно, как все засуетились, захопотали. По происхождению судья – почти пес, но в роду его есть и другие звери, скорее всего, лисы или койоты. В юности он не собирался становиться судьей, так сложились обстоятельства. Его и судейских помощников стража слушается беспрекословно. Павианов вызвали.

Фарэкс прошептал:

- Заветные кружочки могут пригодиться. У вас хватит?
- Да, мне как раз дали с расчетом на подобные выплаты. А что, если будет очень много?
- Лишь бы ему самому не показалось слишком много.

Тонин не понял, но тут же прислушался к заседанию. Стены несколько не пытались спрятать слова. Павианы затараторили, но судья их остановил – велел выгнать их вон, но прежде шестнадцать раз ударить их розгами сзади. Розги здесь не простые, а с особыми колючками. Откуда-то появился ежик – его не было в общей комнате. Еж заплатил пошлину, которую прежде отказывался платить; его отпустили. Не успев опомниться, Тонин оказался в большой комнате, обставленной уже не так как прежде. Судья вежливым голосом попросил представиться. Фарэкс сказал очень кратко. Тонин назвал себя, свою профессию и место проживания в Висс-Логосе, произнес несколько коротких и солидных фраз, которыми Висс-Логос приветствовал дорогих гостей, а также самых уважаемых лиц. Судья кивнул, затем стал торговаться с Фарэксом относительно платы за доходные векселя. На Тонина уже никто не обращал внимания. Тонину было очень любопытно и странно. Впоследствии узнал, что отнять имущество судья не имеет права. Если об этом узнают, он лишится места и более того, будет иметь невидимое клеймо. Кто может узнать? Наверное, благодаря волшебству. У стен есть уши. Кто-то сидит за стеной? Есть особые магические печати, которые открывают книгу, где записаны все дела. Магия запрограммирована на определенную честность. Чтобы открыть книгу для записей, нужна особая печать, ее выдают под личную ответственность и могут казнить за ее подделку. Магия следит за честностью далеко не во всем – подобное волшебство сделать крайне сложно, это не под силу никому; но определенную честность сделать удастся. В книге уже есть запись о том, что корабли Фарэкса пришли, об этом переписали из портового отчета. Судья прежде не знал, в чем заключается дело. Магия позволяет оценить, что подписи поставлены собственноручно, без копирования. Подпись включает имя, должность и еще довольно много слов. Таким образом, магия помогает фиксировать честность заполнения документов, но лишь формальную честность. Фарэкс прежде об этом думал не раз и даже готов был язвительно намекнуть судье. Но тот сразу набрал очень резвый темп. Нужно было думать о бумагах и выгоде. В итоге сошлись на том, что чуть больше половины векселей суд возьмет себе, по остальным судья приказал выплатить стоимостью наличными. Фарэкс успел шепнуть: «Отлично!» И при выходе из здания, и там, где выдавали деньги, и во всех остальных местах к Тонину не обращались вообще, не проверяли его совсем. Вероятно, сочли, что он просто сопровождает Фарэкса. По правде сказать, так оно и было.

- Мы еще недолго здесь – на этой земле – то есть не рядом, а... потом, потом! – Фарэксу не хотелось говорить громко и много. Солнце стало очень сильно печь. Тонин ощутил приступ жара, а потом внезапно все вспомнил. Первые пять пунктов он и так знал; шестой пункт – соблюдать установленный порядок в суде; седьмой – молчать при отсутствии у суда вопросов и в дополнении (восьмой пункт) самому не задавать вопросов. Девятый пункт – проявлять почтительность ко всем служителям суда. Последнее Фарэкс помнил с самого начала, но он никогда не думал о таких скучных вещах. Уже на выходе они увидели массу тех служителей:

стражники и младшие приставы стояли в разных местах, косились подозрительно, при этом не двигаясь с места ни на дюйм. Даже маленький шаг им сделать запрещено. Выход – и снова солнечный жар, уже за пределами судейской земли. Тонина охватили самые разные чувства. Было странно и смешно, и неприятно, и хотелось узнать побольше. На барже Фарэкс беспрестанно оглядывался, даже когда берег остался далеко. Наверное, он опасался некого подвоха. Тонин внутренне соглашался с ним.

9

Судейские земли расположены в разных частях материка. По слухам, среди них есть такие, где судьи благороднее и добрее остальных, но туда довольно долго идти от берега. Фарэксу хотелось поскорей избавиться от векселей, навязанных ему вояжером – согласно договору, товаром торгует вояжер, а ответственность несет, как ни странно, старшина баржи. У каждой баржи свой старшина. Но все другие суда охотно слушаются Фарэкса. Поэтому Тонин про себя называл его капитаном.

Фарэкс имел большой опыт, и ему удалось угадать место с приветливым судьей. Стража оказалась неприветливой, но это уже другой разговор. Фарэкс считал, легко отделались. Другие судьи обязательно заподозрили бы в обмане, хотя обмана не было. Их судейские книги волшебство сжимает лишь в тех случаях, когда не соблюдены формальные правила. Знатоки и ловкачи довольно легко обходят данное волшебство – правда, одной воровской хитрости здесь не хватит, нужен настоящий ум и знания. Караван прошел на запад, вдоль северной оконечности материка и сделал две остановки. С палубы Тонин смотрел на пеструю архитектуру прибрежных общин. Домики казались очень маленькими, простыми, и их было очень много – разноцветные домики с простым окном стояли рядами, забирались друг на друга. По словам Фарэкса многие дома объединены в один ансамбль и принадлежат одному владельцу. На берегу брали только простую и минеральную воду, а также мыло. Моряки всегда следили за гигиеной, и это особенно привлекало Тонина; в остальном, он не мог сказать, что моряки ему явно нравятся или не нравятся. Он привык к другому обществу, более тихому, куда менее динамичному. Он сам любил побегать, но почти всегда бегал один. По дороге моряки рассказывали всякие истории. Сходя на берег, они обязательно рассматривали окрестных женщин и чаще всего оставались недовольны.

- Красивых нет. Но они же не собаки, даже не лисы. Мелкота, включая этих. Родственников нашего гостя! Они, конечно, глупее его. Есть родственники кошек, гиен. Тоже некрасивые. А уж если брать толстых, кабанье это и прочее... Брр! На их тени смотреть противно!

- Те, что с небольшими рожками, бывают милые. Не кабанихи, олени. Но их здесь нет. У тигров и гепардов есть красивые женщины, очень стройные, очень ловкие и сильные. Здесь они не живут. Они вообще появляются лишь на время.

- Волчицы красивые. Но к ним лучше не подходить!

- Дружище Ренцелер, вы не пишете любовных книг? У нас есть много историй, хватит на большой сундук!

- Друзья, нет, я пишу иначе. А откуда берутся истории?

- Моряки передают друг другу очень много. Они нам многое рассказывали. Кабаны безмерно глупы. Другие тоже. Некоторым можно верить. И у псов есть множество историй.

- Спасибо, я как-то еще не подумал. – Тонину не хотелось отвлекаться. Проходя мимо сети маленьких островов, он видел молодые пары стоящих вместе, обнимающих и целующих друг друга. Тонин считал такие действия слишком развязанными и неприличными для открытой демонстрации. Почему нельзя обниматься дома? У многих нет своего дома, говорят псы, а обниматься в лесу или в темноте многие не хотят; часто невозможно удержать себя, никак не удается; и многие предаются плотским утехам даже на берегу. Порядочные моряки не обращают на это внимание. Тонин был очень удивлен. Когда караван встал возле лагуны, он мог

видеть молоденьких девиц и парней, их быстрые движения, разговоры, смех и споры о чем-то непонятном. Иногда они даже ссорились и кричали громко. Тонину сделалось интересно, помирятся ли они; но караван уже уходил. Бывалые псы говорили:

- Это все вздор. Глупости, игра с внешним обликом. Настоящая дружба проявляется иначе, без этих пышных сцен.

- Но это уже не любовь. А впрочем, что – о любви пишут и говорят, о ней мечтают, а как получают – все сводится к поцелуям и крикам. В серьезном деле не вспоминают о любви. Там ум и долг, возможно, еще прибыль; но при чем тут глупые страсти? Вероятно, любви вовсе нет на свете. Я не буду удивлен, если окажется, что любовь не более чем придуманная вещь, также как придуманные боги. Глупцы и дикари им молятся, а где ответ? Его нет. Их боги существуют только в их воображении. Вся их вера ненастоящая. Глупые обряды!

- Я согласен с Вами! – сказал Тонин и прочитал короткую лекцию о верованиях диких племен. Затем он стал рассуждать о любви.

- Не могу согласиться, что в ней нет совсем ничего – ничего высокого, я хочу сказать. Ведь многие рискуют за нее жизнью.

- Вот, послушайте, как было – бывалый пес присел на канаты. – Я повидал много, и есть истории, которые, можно сказать, напрямую касаются любви. Одно время – недолго – у нас был парень с бело-рыжим окрасом, он выполнял самые разные дела, кроме столярных и плотничьих. Ловкий малый, но с дырой в голове. Теперь он, кажется, куда-то далеко уехал. Возможно, в другой мир. Нет, он не умер! А тогда он тянул ванты и плакал, вспоминал одну особу. Оказывается, он был сильно влюблен. Настолько сильно, что пошел на мелкую хитрость, нестрашное воровство. Я уж не помню, что они хотели; кажется, сделать новые документы. Они не брали волшебных вещей. Он и его юная особа нанялись к одному купцу, наглому и толстому, старались у него в имении, он всех унижал, а украсть у него было невозможно. Однако тот купец очень плохо умел читать. Парень сочинил донос, девица его написала, купец, думая, что это его бумага, заверил подписью с печатью. Да еще потребовал, чтоб заверяли магически! Одним словом, он сам попался к судьям. Всех слуг отпустили; но те двое решили получить купцовы вещи, которые находились в закладе. То ли перстни с важными печатями, то ли книги. Я хорошо помню лицо того парня – он совсем не читал книг. Он веселый пес, но глупый. Зачем-то они решили выкрасть книги и еще что-то из заклада, потом обменять, потом снова обменять – чтоб запутать следы. Вот они начали обменивать, да и запутались сами: сначала говорили про свое, потом – про не свое, забыли где чье, что как называли. Парень вел эти штуки, а девица оставалась в стороне. Парня взяли, арестовали и отправили на остров, что у юго-восточной оконечности этой земли, этого материка. Остров – сплошные камни, галька и песок, и лишь в некоторых местах стоят колючие изгороди. Кактус в сравнении с ними – мягонькая травинка. А между колючками стоит частокол. Он сдвигается по волшебству. Охрана часто не стоит, не смотрит, спит. Но колючки и частокол вокруг всего заключения. На окраинах есть какие-то палатки с торговлей, есть причал. В одном месте частокол стоит почти на берегу, к нему идет цепочка камней, но море вокруг – ужасное. Там на отмелях лежат плоские медузы – прозрачные тарелки. Если наступишь – умрешь, либо войдешь в такое состояние, что захочется умереть. А дальше живут маленькие хищные рыбешки, что объедают плоть до кости. Во время отлива она ходила туда по камням, ходила по доске, как-то перепрыгивала – одним словом, ходила, и рыбы ее совсем не трогали. Хотя это хищные рыбы – они выпрыгивают. Она их как будто чем-то прикармливала, а потом они привыкли, что она ходит, всегда в фиолетовом облачении. Может быть, она их заколдовала, а может быть – они решили, что это божество. Неизвестно ведь, о чем думают рыбы. Может быть, и у них что-то есть. Через частокол она не могла пройти – там огромные гладкие столбы. Но она через колючую изгородь давала ему свертки, давала мелкие порции волшебства, чтобы сдвинуть один столб. Этот парень выбирался. Да что толку – с острова выехать не на чем. Все лодки под строгим надзором. Ей бы дали, наверное,

поскольку она умела колдовать и приваживать. Но там кругом очень сильные течения, идти без паруса – смех один. На веслах вдвоем, а то и вчетвером сложно, кругом рифы. Один точно разобьется. Он говорил, что она никогда не хотела грести. Считала, он должен, раз мужчина. А парень сам не хотел – он же понимал, там пустое дело. Что толку разбиться о рифы, которых там больше, чем зубов у стаи акул? Его ловили, пороли и возвращали на частокол. Пробовали сесть на корабль, он изображал из себя ее слугу или блаженного. Но тут уже ее не пускали. Один раз почти пустили, но она не согласилась ехать в трюме – потому что не прислуга. Ругались из-за этого!

- Да, я представляю. Но как же им удалось выбраться с острова?

- Она хотела очень взять парня с собой, так он ей понравился – или понадобился. Они стали изображать диких существ, вымазались в какой-то гадости, делали вид, что живут в скалах у моря. Парня ловить не стали, решил, что утонул, исчез, пропал. А он, хоть и на свободе, но есть теперь нечего. Просидели неделю на одних водорослях. Наверное, точно бы пропали. Один наш капитан из псов сильно им помог – он проходил мимо и решил обменять жемчуг. Он заметил, как эти двое... в общем на берегу, вдали. Он решил поймать диковинку. Наши, псы стали подходить с сетями. А она вдруг вскочила и говорит ясным голосом: дорогие собратья, прошу вас воздержаться от столь резкого решения, мы сами... Наши совершенно рты раскрыли. Затем стало все понятно. Их взяли, поскольку парень – пес, и на корабле псы. Она была не пес, но похожая. Парень толком не сказал, на что она похожа. Наверное, была красивая. Их довели, по дороге очистили. Ну и что – на берегу они поругались вдребезги. Мне рассказывал моряк, что ходит к третьему матерiku, как видели их возле трактира – вроде бы это был их дом, они быстро заработали, могли разбогатеть, но часто спорили. В том трактире можно было купить душистые булочки, поспать без страха, поскольку за дверьми следила магия. Знаешь, если кто чужой без спроса открывает, магия сразу закричит – ты проснешься, он испугается. Наверное, это все она придумала, поскольку парень совсем не разбирался в магии, даже не умел зажигать лампы с простой волшебной силой. Он хотел одного, она другого, и что важнее всего, она хотела им управлять. Помыкать, приказывать – не так, как приказывают слуге, не так, как говорят с детьми, как-то иначе. Парню это не понравилось. Трактир продали, она села на деревянный голем и уехала. Выходит, у нее было довольно волшебства, чтоб оживить голем. А он ушел пешком. Попал на разные корабли, попал к нам. А теперь я даже не знаю, где он работает. В центре внутреннего моря есть пути, чтобы оставить наш мир и перейти в другое пространство, где другие звери. Возможно, там то же самое. А может быть, там лучше. – пес задумчиво посмотрел на горизонт.

Караван шел неспешно. На западном берегу нужно было взять два заказа. За вторым вояжер отправился в город в сопровождении посторонних лиц. По его словам, именно так можно купить ценные и дорогие вещи, не привлекая внимания разбойников. Псы же сразу привлекают к себе внимание. В этих местах псы не живут, а в разбойники идут местные жители – кто от бедности, кто из озорства. Разбойники крайне редко причиняют насилие, обычно они просто колотят, как дети. Они любят кидаться камнями – перебьют, перепортят тонкий хрусталь. В этой стране стекло особого состава добывали прямо из недр земли, вблизи тех мест, где текла раскаленная лава. Там начинается горный хребет, чей хвост идет на запад и соединяется со вторым материком. Пути ведут через ущелья и мелкие горные перевалы. Местные жители оттуда швыряют камешки и никогда не используют стальных ножей. Для Тонина это будет крайне любопытно услышать, однако сделать это ему удастся гораздо позже. В первом месте встречу назначили возле гротов. Товар передавал чужой енот, поэтому Фарэкс позвала Тонина в качестве переводчика и для большей солидности. Енот приехал, сидя верхом на тачке. Спереди и сзади ее толкали камбо. Енот быстро затараторил, затем стал повторять те же слова, но в обратном порядке. Тонин запоминал только первую часть фразы и шепотом переводил Фарэксу. Произведя обмен листов, енот уехал. Камбо его потащили, жутко скрипя. В их составе

почти нет камня, преимущественно застывшая глина. Эти камбо стоят дешево. Фарэкс осматривался.

- Неудачное выбрал время. Такие вещи хорошо делать с утра, а сейчас прилив. Нам придется идти по шею в воде. Можно пройти по суше. Но будет гораздо дольше.

Он, еще два моряка и Тонин пошли окружным путем на северо-восток. На голубом полотне неба висели лишь отдельные облака, затем они и вовсе стали таять, однако доносился гром. Тонин ожидал бурю, но не хотел показаться трусливым. Гром шел как-то под углом, не со стороны моря. На песчаных тропах попадались осколки каменных наконечников. Фарэкс покачал головой и решил идти через колючки.

Гром нарастал.

- Скорей, скорей! У них тут битва. – сквозь колючки удалось протиснуться на семьдесят шагов, дальше уже лезть не было возможности. Перепутанные острые стебли опутывали скалы со всех сторон. Тонина попросили залезть по ним наверх и посмотреть наружу, но тонкие ветви не держали. Его приподняли. Тонин увидел, что на севере в небо летят белые ленты, от земли поднимаются желтые поганки – их плоские шляпы качаются на длинных тонких ногах. «Колдовством пугают! Бежим назад. В воде нет колдовского яда». Они выскочили и побежали, одновременно гром нарастал и со стороны суши, и от береговой полосы. Добежав до грота, они присели. На земле, вдали, ощущались признаки горящей травы с дурманом и чем-то терпким. Тем временем почти вплотную к гроту подошла лодка. С нее выпустили белый шлейф. От земли ответили тем же. Шлейф слегка нагревал воздух, и не убивал при столкновении, но мог сильно отравить. Моряки едва разглядели фрагменты лодок и фигур на море. Со стороны суши никого не видно. Когда Фарэкс высунулся, в него вылетело сразу с двух сторон. У него с собой был сигнальный заряд, который в море служит предупреждением – он означает, что здесь представители серьезной фирм. Заряд нужно поджечь и поставить куда-нибудь на видное место. Из грота можно выйти на сушу, но там стреляют; можно через узкую щель подняться на скалу и оставить сигнал там. Но спускаться по скале на землю сложно, придется возвращаться в грот. Фарэкс решил проверить, можно ли выйти.

- Сколько капель Вам требуется, чтобы пробежать версту? А полверсты? Надо как можно подняться на гору и там поставить. Вы сумеете?

Тонин полез по голой скале и тут же сорвался. От щели вверх уходил очень гладкий и крутой желоб – Тонин по нему скатился обратно в грот, почти не ударившись. Фарэкс промолвил:

- Ладно. Вы можете – вихрем пронестись там перед гротом? Там, где белое на земле, уже не должно попасть. Попадает рядом, иногда очень близко. Но никогда дюйм в дюйм. Я поставлю сигнал. Иначе будем сидеть здесь пока они не наиграются.

- А кто они?

- Не знаю! Богатенькие дурачки. Украли чужое волшебство в зарядах. Спорят из-за денег. Да мало ли. Погоди, сейчас нельзя. Они не стреляют непрерывно. Когда кончат, бегите и встаньте на белое пятно – боком к берегу и лесу. Вон, там видите лес. Прыгайте минуты три.

Тонин вылетел быстрее метеора и помчался кругами, ничего не замечая. С берега и с земли на него посмотрели с удивлением и почти не стреляли – лишь однажды дали залп. В небе возник кочан цветной капусты, который стал рассыпаться на мелкие пучки и огоньки. Кто-то засмеялся. Заряды не обжигали по-настоящему, но Тонин этого не знал, и старался изо всех сил не касаться белой гадости. Заряды падали на песок, оставляя почти неразличимые кляксы. Наутро они уже исчезнут. Мощный заряд мог лететь с большой скоростью, но сейчас с обеих сторон целились сильно разбавленным веществом; оно двигалось со скоростью ленивого шмеля. Тонин мог его обогнать, но мог и споткнуться. Перед ним выстрелили четыре раза со стороны леса, на берегу не стреляли. Вероятно, там уже увидели медленно растущий алый

цветок. Фарэкс установил заряд так, чтоб его видели на берегу. Он спустился и велел всем собираться. Тонина позвали. Он влетел в грот.

- Хвост не обожгло? На самом деле надо бежать наружу. Подождем. Смотрите, град.

Стрельба приняла другой вид – вместо пышных кустов, астр и шариков в небо стали взлетать иглы. Они далеко пронзали небосвод и пересекали друг с другом. Одни иглы хотели пронзить другие. Обе стороны решили играть. Но Тонин этого не понимал. Вздрагивая, он сидел за спиной Фарэкса. Тот приподнялся и побежал неспешно. Товарищи следовали за ним. Они преодолели уже почти всю линию гротов, как вдруг с третьей стороны выскочила стрела и вонзилась в пяти шагах. Наконечник был дурной. Однако Фарэкс скомандовал: всем ползти. Придерживая сумки и карманы, вплотную к земле, они добрались до широкой линии скал, служивших надежной стеной. Там они вошли в воду. Перед этим все вещи завязали в прочном мешке. Тонин совсем забыл о своих золотых столбиках; он бил воду ногами, затем бежал и плыл. Им пришлось проплыть около четырех миль, прежде чем они увидели безопасную отмель. Там они вышли, подождали немного и уже ночью вернулись на корабли. Фарэкс спросил Тонина о его средствах.

- Я же что, я же... - Тонин стал ощупывать свою голову и плечи. Легонько тронув его хвостом, Фарэкс убедился, что все средства на месте. Он знал, что у Тонина есть средства и тоже следил за ними, из чувства солидарности. Тонин казался ему чем-то очень похожим на ребенка. Тонин присел и стал сильно вздрагивать.

- Холодно. Но я не промок от этого. Верней – холодно не оттого, что промок. – дул легкий ветерок, дающий прохладу. Моряки радовались ему. Тонин шепнул командиру, что хочет посидеть в каюте и – покушать, если можно. Фарэкс засмеялся. Немного смутившись, Тонин взял на кухне несколько сладких овощей, затем подумал и частично записал те события, которые произошли только что.

Шум взрыва без разрушения материи довольно часто создают противоборствующие стороны, с целью напугать соперника. В сравнении с ним стрелы гораздо опаснее и тяжелей. К счастью, здесь были только очень плохие стрелы. Возможно, это бедняки из соседнего материка. Между собой псы говорят, что в такие частные игры лучше не вмешиваться: игры – как развлекательные, так и боевые, с кровью – должны касаться только двух сторон. Третья, видно, хотела ограбить тех, кто послабее. Эти всегда подлецы. Псы постарше знали множество историй, в которых и сами когда-то участвовали. Вспоминали, как однажды вывели из-под огня судью, и он всерьез отблагодарил. А потом – пять раз спасали богатых, и от них не получили совсем ничего! Ничего, кроме потерянного времени и сил; зря заработали раны. В каюте стало очень душно. Тонин взял покрывало, и, зевая, вышел подремать на палубу. Уже пришли сумерки. В темноте сияли точки, и нельзя было понять что это – искры, звездный свет или просто насекомые-светляки залетели далеко в моря. Псы на вахте неторопливо разговаривали. Тот, что любил драться на мечях, увлеченно рассказывал как относительно недавно, прямо из-под носа у семьи украли богатую невесту. Тотчас снарядили погоню; парни, кто был рядом, бросились вдогонку. Это были просто парни, молодые псы и похожие на них, два тигра, но тоже совсем небогатые – те, кто и так никогда бы не женился на той невесте. И она бы не захотела, поскольку очень знатная. Ее жених ожидал ее во дворце, на большом материке. Сообщников похитителей догнали пешком; дальше уже помчались всадники, из числа обеспеченных аристократических семей. Скакуны сделаны из разного материала, но каждый стоит очень дорого, и нужно много магических сил, чтоб его оживить надолго. Кажется, невесту освободили. Но она потребовала особого обхождения, ведь она не вещь, не прислуга и тем более не рабыня. Стала требовать нечто вроде кареты... как-то ее довели.

Состоялась ли свадьба, Тонин не стал дослушивать. Он лег на покрывало и заснул.

«Воздух у второго материка совсем не тот, что на первом – здесь он сладкий и какой-то густой. Я не стал спрашивать знакомых, как это получается, решил разобраться сам. На северо-востоке довольно много отмелей, где большим кораблям неудобно вставать на причал. Легкие, как чайки, яхты, пронесли мимо нас, пересекли наш курс дважды, озорничая. Столкнуться с большим кораблем им будет неприятно: по словам Фарэкса эти яхты делают из маловесомого материала, почти из бумаги, пропитанной особым клеем. В остроугольных парусах нет волшебства, скорость создается лишь за счет управления и отсутствия тяжелых предметов на борту. В открытом море яхты обходятся без якорей, и поэтому обречены постоянно находиться в движении. Я видел, что на каждой яхте было двое или даже трое, они управляют поочередно. Очень много пестрых лиц. Мне показалось, я увидел тигров. На нашем материке тигры имеют маленькие общины, их жители склонны к длительной медитации, а также отличаются благородством поступков. Впрочем, у нас ведь совсем не то, что в другом полушарии. Я уже успел увидеть, как похожие лица поступают совсем неодинаково, или даже неожиданно для них. В океане мы встречали обрывки парусов и других частей такелажа, разносимые волнами, различный сор, совсем не нужный океану. Волны будут гнать его до берега, а потом его охватят солнечные лучи. Я не видел тех, кто на берегу собирает эти сомнительные дары моря; но по словам друзей Фарэкса таких довольно много на втором материке. Признаться, эти занятия вызывают у меня отвращение. Как бы не столкнуться с ними, думал я, наблюдая зелено-синие узоры. Они уже не восхищают; хотя в лагунах, в прозрачной воде можно видеть причудливую жизнь на дне. Однажды мне удалось забраться на скалу во время очень краткой стоянки. Лагуна находилась на острове с остывающим вулканом. Возле него роятся тучи. Небесная влага собирается в огромных блюдах и чашках, порожденных лавой. Когда мы высадились, воды не было. Парни презрительно говорили о «челчохе», который выпил все и не оставил другим. Наверное, это ругательное слово. Я запоминаю, не только события, но и новые слова. Пока были у лагуны, я успел забраться на скалу. Меня попросили спускаться. Я скатился по желтой спине горы. По обеим сторонам стоял колючий кустарник. Я весьма удачно проехал вниз, не задев колючки. Ноги сами сгибались, поэтому я не бежал, а именно перекачивался. Пожалуй, это было не так красиво со стороны, но забавно. Я решил подробнее узнать географию этих островов. Но у Фарэкса нет карты. Направления и маршруты он всегда держит в голове, а на бумаге только оставляет лишь отдельные короткие записи. Я почти прочитал все имущественные документы.

Я вспомнил о лагуне, поскольку ее воздух наполняла легкость и свежесть. Сейчас дышать гораздо труднее – по всей округе варят смолу и патоку для различных ремесел. Из патоки делают твердые бруски, кирпичики или сухую смесь, которую развозят далеко. В сухом виде патока совсем не разрушается. Потом ее используют для разных дел, даже для заклеивания трещин. Я не очень понял, как это получается – парни объясняли мне, но воздух сразу впился в мои ноздри, схватил за уши. Было одновременно сладко, едко и неприятно, как если бы я поперхнулся компотом или сладким лимонным соком. Во всех дворах, все камины и печи используют смолу и патоку в качестве дешевого топлива. Из-за этого сладость стоит над округой весь год. Здесь кругом стволы и стебли, богатые сладким соком, поэтому он такой дешевый. Но к нему, мне кажется, примешивают дурман. Я прежде нюхал такую вещь издали, когда наблюдал за горными скитальцами. В отличие от мудрецов у них нет никакой цели, никаких высоких соображений, и они ведут себя часто рассеянно. Они жгли дурман в костре. Здесь, как будто, его не только жгут, но и курят. Я сопровождал Фарэкса по улице и страдал от густых ароматов. Он шел в один из домов, где нужно было что-то сделать. Я остался было на улице – но он позвал меня, и там я едва не умер. То, что казалось густым на улице, стало бы предельно разбавленным, если сравнить с воздухом комнат. Всех окружал полупрозрачный, желтоватый или янтарный пар. Он не обжигал, ведь это был воздух, воздух, который не уходит из комнаты через окно. В клубах дыма мне хотелось чихать, плакать и падать. Я не разглядел толком, с кем Фарэкс разговаривает. Было страшно оттого, что сейчас нет возможности быстро двигаться, а

ведь может случиться что угодно. Фарэксу дали какую-то бумажку. Когда мы вышли, он просил меня ее прочесть на одном наречии. Я не смог разобрать даже букв, до того меня шатало. Фарэкс довел меня до другой улицы, но и там было плохо. Лишь на окраине я смог разобрать слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.